

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Часть 14. СТИХИ.

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

Составитель МУЧНИК ЭТЯ БОРИСОВНА

Константин Бальмонт родился 3 (15) июня 1867 в деревне Гумнищи. В 1884 его даже исключили из гимназии за участие в "революционном кружке". Бальмонт закончил гимназический курс в 1886 во Владимире и поступил на юридический факультет Московского университета. Через год из университета его тоже отчислили - за участие в студенческих беспорядках. После ссылки в родную Шую Бальмонта восстановили в университете. Но полного курса Бальмонт не закончил: в 1889 он бросил учебу ради занятий литературой. В 1887-1889 гг. активно переводил немецких и французских авторов, а в 1890 г. в Ярославле. В 1892 г. Бальмонт совершил путешествие в Скандинавию. В 1894 появился стихотворный сборник "Под северным небом", с которым Бальмонт вошел в русскую поэзию. В этой книге, как и в сборниках "В безбрежности" (1895) и "Тишина" (1898), Бальмонт, отдавая дань "надсоновским", восьмидесятилетнему тону: его герой томится "в царстве мертвого бессильного молчанья", он устал "напрасно весны ждать", боится трясины обыденного, что "заманит, сожмет, засосет". Но все эти переживания даны с новой силой напряжения. В результате возникает новое качество: синдром упадка, декаданса (от фр. *decadence* - упадок), одним из первых и наиболее ярких выразителей которого в России и стал Бальмонт. Зенита творчество Бальмонта достигает "Горящие здания" (1900), "Будем как солнце" (1903), "Только любовь" (1903), "Литургия красоты" (1905). В 1907-1913 Бальмонт жил во Франции. Впервые славянская старина зазвучала еще в сборнике "Злые чары" (1906). Последующие книги "Жар-птица", "Свирель славянина" (1907) и "Зеленый вертоград", "Слова поцелуйные" (1909) содержат обработку фольклорных сюжетов и текстов, переложения "былинной" Руси на "современный" лад. Февральскую революцию 1917 Бальмонт встретил с воодушевлением. Получив разрешение временно выехать за границу в командировку, вместе с женой и дочерью в июне 1920 он навсегда покинул Россию и добрался до Парижа. Во Франции он ощущал боль отъединенности от прочей русской эмиграции, Единственной отрадой Бальмонта-эмигранта оставалась возможность вспоминать, мечтать и "петь" о России. Умер Бальмонт 24 декабря 1942 во Франции, слушая чтение своих стихов.

AD INFINITUM

В храме всё — как прежде было.
Слышен тихий взмах кадил.
«Я смеялся, я шутил.
Неужели ты любила?»

Дымен смутный трепет свеч,
На иконах свет заемный.
Каждый хочет в церкви темной
От свечи свечу зажечь.

В храме будет так, как было.
Слышен тихий звон кадил.
«А, неверный! Ты шутил.
Горе! Горе! Я любила».

* До бесконечности (лат.). — Ред.
<1900>

INCUBUS

Как стих сказителя народного
Из поседевшей старины,
Из отдаления холодного
Несет к нам стынущие сны,—

Так, темной полночью рожденные
Воззванья башенных часов,
Моей душою повторенные,
Встают, как говор голосов.

И льнут ко мне с мольбой и с ропотом:
«Мы жить хотим в уме твоём».
И возвещают тайным шепотом:
«Внимай, внимай, как мы поём».

Мы замираем, как проклятия,
Мы возрастаем, как прибой.
Раскрой безгрешные объятия —
Мы все обнимемся с тобой».

И я взглянул, и вдруг, нежданные,
Лучи луны, целуя мглу,

Легли, как саваны туманные,
Передо мною на полу.

И в каждом саване — видение,
Как нерожденная гроза,
И просят губы наслаждения,
И смотрят мертвые глаза.

Я жду, лежу, как труп, но слышащий.
И встала тень, волнуя тьму,
И этот призрак еле дышащий
Приникнул к сердцу моему.

Какая боль, какая страстная,
Как сладко мне ее продлить!
Как будто тянется неясная
Непрерываемая нить!

И тень всё ближе наклоняется,
Горит огонь зеленых глаз,
И каждый миг она меняется,
И мне желанней каждый раз.

Но снова башня дышит звуками,
И чей-то слышен тихий стон,
И я не знаю, чьими муками
И чьею грудью он рожден.

Я только знаю, только чувствую,
Не открывая сжатых глаз,
Что я как жертва соприсутствую,
И что окончен сладкий час.

И вот сейчас она развеется,
Моя отторгнутая тень,
И на губах ее виднеется
Воздушно-алый, алый день.
<1900>

PAH HOMINIBUS BONAE VOLUNTATIS

Мир на земле, мир людям доброй воли.
Мир людям воли злой желаю я.
Мир тем, кто ослеплен на бранном поле,

Мир тем, в чьих темных снах живет змея.

О, слава солнцу пламенному в вышних,
О, слава небу, звездам и луне.
Но для меня нет в мире больше лишних,
С высот зову — и тех, кто там, на дне.

Все — в небесах, все — равны в разной доле,
Я счастлив так, что всех зову с собой.
Идите в жизнь, мир людям доброй воли,
Идите в жизнь, мир людям воли злой.

Примечания:

Pax hominibus bonae voluntatis — «Мир людям доброй воли» (лат.).

АВГУСТ

Сонет

Как ясен август, нежный и спокойный,
Сознавший мимолетность красоты.
Позолотив древесные листья,
Он чувства заключил в порядок стройный.

В нем кажется ошибкой полдень знойный,-
С ним больше сродны грустные мечты,
Прохлада, прелесть тихой простоты
И отдыха от жизни беспокойной.

В последний раз, пред острием серпа,
Красуются колосья наливные,
Взамен цветов везде плоды земные.

Отраден вид тяжелого снопа,
А в небе журавлей летит толпа
И криком шлет "прости" в места родные.
1894

АНГЕЛЫ ОПАЛЬНЫЕ

Ангелы опальные,
Светлые, печальные,
Блески погребальные
Тающих свечей,-

Грустные, безбольные
Звоны колокольные,
Отзвуки невольные,
Отсветы лучей,-
Взоры полусонные,
Нежные, влюбленные,
Дымкой окаймленные
Тонкие черты,-
То мои несмелые,
То воздушно-белые,
Сладко-онемелые,
Легкие цветы.

Чувственно-неясные,
Девственно-прекрасные,
В страстности бесстрастные
Тайны и слова,-
Шорох приближения,
Радость отражения,
Нежный грех внушения,
Дышащий едва,-
Зыбкие и странные,
Вкрадчиво-туманные,
В смелости нежданые
Проблески огня,-
То мечты, что встретятся
С теми, кем отметятся,
И опять засветятся
Эхом для меня!
<1899>

АНИТА

Я был желанен ей. Она меня влекла,
Испанка стройная с горящими глазами.
Далеким заревом жила ночная мгла,
Любовь невнятными шептала голосами.
Созвучьем слов своих она меня зажгла,
Испанка смуглая с глубокими глазами.

Альков раздвинулся воздушно-кружевной.
Она не стала мне шептать: «Пусти... Не надо.
Не деве Севера, не нимфе ледяной
Твердил я вкрадчиво: «Anita! Adorada!»*

Тигрица жадная дрожала предо мной,—
И кроме глаз ее мне ничего не надо.

* Обожаемая (исп.). — Ред.

АРОМАТ СОЛНЦА

Запах солнца? Что за вздор!
Нет, не вздор.
В солнце звуки и мечты,
Ароматы и цветы
Все слились в согласный хор,
Все сплелись в один узор.

Солнце пахнет травами,
Свежими купавами,
Пробужденною весной,
И смолистою сосной.

Нежно-светлоткаными,
Ландышами пьяными,
Что победно расцвели
В остром запахе земли.

Солнце светит звонами,
Листьями зелеными,
Дышит вешним пеньем птиц,
Дышит смехом юных лиц.

Так и молви всем слепцам:
Будет вам!
Не узреть вам райских врат,
Есть у солнца аромат,
Сладко внятней только нам,
Зримый птицам и цветам!

БЕАТРИЧЕ

Сонет

Я полюбил тебя, лишь увидал впервые.
Я помню, шел кругом ничтожный разговор,

Молчала только ты, и речи огневые,
Безмолвные слова мне посылал твой взор.

За днями гасли дни. Уж год прошел с тех пор.
И снова шлет весна лучи свои живые,
Цветы одели вновь причудливый убор.
А я? Я все люблю, как прежде, как впервые.

И ты по-прежнему безмолвна и грустна,
Лишь взор твой искрится и говорит порою.
Не так ли иногда владычица-луна

Свой лучезарный лик скрывает за горою,-
Но и за гранью скал, склонив свое чело,
Из тесной темноты она горит светло.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора,-
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далёко-далёко.
Во всем утомленье - глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада,-
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

1900

БЕЛАДОННА

Счастье души утомленной -
Только в одном:
Быть как цветок полусонный
В блеске и шуме дневном,
Внутренним светом светиться,
Все позабыть и забыться,
Тихо, но жадно упиться
Тающим сном.

Счастье ночной белладонны -
Лаской убить.
Взоры ее полусонны,
Любо ей день позабыть,
Светом луны расцветаться,
Сердцем с луною встречаться,
Тихо под ветром качаться,
В смерти любить.

Друг мой, мы оба устали.
Радость моя!
Радости нет без печали.
Между цветами - змея.
Кто же с душой утомленной
Вспыхнет мечтой полусонной,
Кто расцветет белладонной -
Ты или я?

БЕЛЫЙ ПОЖАР

Я стою на побережье, в пожаре прибоя,
И волна, проблистав белизной в вышине,
Точно конь, распаленный от бега и боя,
В напряженье предсмертном домчалась ко мне.

И за нею другие, как белые кони,
Разметав свои гривы, несутся, бегут,
Замирают от ужаса дикой погони,
И себя торопливостью жадною жгут.

Опрокинулись, вспыхнули, вправо и влево,-
И, пред смертью вздохнув и блеснувши полней,

На песке умирают в дрожании гнева
Языки обессиленных белых огней.

БОГ И ДЬЯВОЛ

Я люблю тебя, Дьявол, я люблю Тебя, Бог,
Одному — мои стоны, и другому — мой вздох,
Одному — мои крики, а другому — мечты,
Но вы оба велики, вы восторг Красоты.

Я как туча блуждаю, много красок вокруг,
То на север иду я, то откинусь на юг,
То далеко, с востока, поплыву на закат,
И пылают рубины, и чернеет агат.

О, как радостно жить мне, я лелею поля,
Под дождем моим свежим зеленеет земля,
И змеиностью молний и раскатом громов
Много снов я разрушил, много сжег я домов.

В доме тесно и душно, и минутны все сны,
Но свободно-воздушна эта ширь вышины,
После долгих мучений как пленителен вздох.
О, таинственный Дьявол, о, единственный Бог!

* * *

Бог создал мир из ничего.
Учись, художник, у него,-
И если твой талант крупца,
Соделай с нею чудеса,
Взрасти безмерные леса
И сам, как сказочная птица,
Умчись высоко в небеса,
Где светит вольная зарница,
Где вечный облачный прибой
Бежит по бездне голубой.

В ГЛУХИЕ ДНИ

Предание

В глухие дни Бориса Годунова,
Во мгле Российской пасмурной страны,
Толпы людей скитались без крова,
И по ночам всходило две луны.

Два солнца по утрам светило с неба,
С свирепостью на дольный мир смотря.
И вопль протяжный: "Хлеба! Хлеба! Хлеба!"
Из тьмы лесов стремился до царя.

На улицах иссохшие скелеты
Щипали жадно чахлую траву,
Как скот,- озверены и неодеты,
И сны осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелевшие от гнили,
Живым давали смрадный адский хлеб,
Во рту у мертвых сено находили,
И каждый дом был сумрачный вертеп.

От бурь и вихрей башни низвергались,
И небеса, таясь меж туч тройных,
Внезапно красным светом озарялись,
Являя битву воинств неземных.

Невиданные птицы прилетали,
Орлы парили с криком над Москвой,
На перекрестках, молча, старцы ждали,
Качая поседевшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Узрев комету, дрогнула земля.
И в эти дни Димитрий встал из гроба,
В Отрепьева свой дух переселя.

В ДОМАХ

М. Горькому¹

В мучительно-тесных громадах домов
Живут некрасивые бледные люди,
Окованы памятью выцветших слов,
Забывши о творческом чуде.

Все скучно в их жизни. Полюбят кого,
Сейчас же наложат тяжелые цепи.
«Ну, что же, ты счастлив?» — «Да что ж... Ничего...»
О, да, ничего нет нелепей!

И чахнут, замкнувшись в гробницах своих.
А где-то по воздуху носятся птицы.
Что птицы? Мудрей привидений людских
Жуки, пауки и мокрицы.

Все цельно в просторах безлюдных пустынь,
Желанье свободно уходит к желанью.
Там нет заподозренных чувством святынь,
Там нет пригвождений к преданью.

Свобода, свобода! Кто понял тебя,
Тот знает, как вольны разливные реки.
И если лавина несется губя,
Лавина прекрасна навеки.

Кто близок был к смерти и видел ее,
Тот знает, что жизнь глубока и прекрасна.
О, люди, я вслушался в сердце свое,
И знаю, что ваше — несчастно!

Да, если бы только могли вы понять...
Но вот предо мною захлопнулись двери,
И в клеточках гномы застыли опять,
Лепечут: «Мы люди, не звери».

Я проклял вас, люди. Живите впотьмах.
Тоскуйте в размеренной чинной боязни.
Бледнейте в мучительных ваших домах.
Вы к казни идете от казни!

В ПРЕИСПОДНЕЙ

Сорвавшись в горную ложбину,
Лежу на каменистом дне.
Молчу. Гляжу на небо. Стыну.
И синий выем виден мне.

Я сознаю, что невозможно
Опять взойти на высоту,
И без надежд, но бестревожно,
Я нити грез в узор плету.

Пока в моем разбитом теле
Размерно кровь свершает ток,
Я буду думать, пусть без цели,
Я буду звук — каких-то строк.

О, дайте мне топор чудесный —
Я в камне вырублю ступень
И по стене скалы отвесной
Взойду туда, где светит день.

О, бросьте с горного мне края
Веревку длинную сюда,
И, к камню телом припадая,
Взнесусь я к выси без труда.

О, дайте мне хоть знак оттуда,
Где есть улыбки и цветы,
Я в преисподней жажду чуда,
Я верю в благодать высоты.

Но кто поймет? И кто услышит?
Я в темной пропасти забыт.
Там где-то конь мой тяжело дышит,
Там где-то звонок стук копыт.

Но это враг мой, враг веселый,
Несется на моем коне.
И мед ему готовят пчелы,
И хлеб ему в моем зерне.

\
\

А я, как сдавленный тисками,
Прикован к каменному дну
И с перебитыми руками
В оцепенении тону.

12 сентября 1922

В СИНЕМ ХРАМЕ

И снова осень с чарой листьев ржавых,
Румяных, алых, желтых, золотых,
Немая синь озер, их вод густых,
Проворный свист и взлет синиц в дубравах.

Верблюжьи груды облак величавых,
Увядающая лазурь небес литых,
Весь кругом, размерность черт крутых,
Взнесенный свод, ночами в звездных славах.

Кто грезой изумрудно-голубой
Упился в летний час, тоскует ночью.
Все прошлое встает пред ним воочью.

В потоке Млечном тихий бьет прибой.
И стыну я, припавши к средоточью,
Через мглу разлук, любимая, с тобой.
1 октября 1920, Париж

В ТЮРЬМЕ

Мы лежим на холодном и грязном полу,
Присужденные к вечной тюрьме.
И упорно и долго глядим в полумглу:
Ничего, ничего в этой тьме!

Только зыбкие отсветы бледных лампад
С потолка устремляются вниз.
Только длинные шаткие тени дрожат,
Протянулись - качнулись - слились.

Позабыты своими друзьями, в стране,
Где лишь варвары, звери да ночь,
Мы забыли о солнце, звездах и луне,
И никто нам не может помочь.

Нас томительно стиснули стены тюрьмы,
Нас железное давит кольцо,
И как духи чумы, как рождения тьмы,
Мы не видим друг друга в лицо!

* * *

Веласкес, Веласкес, единственный гений,
Сумевший таинственным сделать простое,
Как властно над сонмом твоих сновидений
Безумствует Солнце, всегда молодое!
С каким униженьем, и с болью, и в страхе,
Тобою - бессмертные, смотрят шуты,
Как странно белеют согбенные пряжи,
В величьи рабочей своей красоты!

И этот Распятый, над всеми Христами
Вознесшийся телом утонченно-бледным,
И длинные копья, что встали рядами
Над бранным героем, смиренно-победным!
И эти инфанты с Филиппом Четвертым,
Так чувственно-ярким поэтом-Царем,-
Во всем этом блеске, для нас распростертом,
Мы пыль золотую, как пчелы, берем!

Мы черпаем силу для наших созданий
В живом роднике, не иссякшем донине,
И в силе рожденных тобой очертаний
Приветствуем пышный оазис в пустыне.
Мы так и не знаем, какую же властью
Ты был - и оазис и вместе мираж,-
Судьбой ли, мечтой ли, умом или страстью,
Ты вечно - прошедший, грядущий и наш!
1901

ВЕЛИКОЕ НИЧТО

1

Моя душа — глухой всебожный храм,
Там дышат тени, смутно нарастая.
Отраднее всего моим мечтам
Прекрасные чудовища Китая.

Дракон — владыка солнца и весны,
Единорог — эмблема совершенства,
И феникс — образ царственной жены,
Слиянье власти, блеска и блаженства.
Люблю однообразную мечту
В созданиях художников Китая,
Застывшую, как иней, красоту,
Как иней снов, что искрится, не тая.
Симметрия — их основной закон.
Они рисуют даль — как восхожденье,
И сладко мне, что страшный их дракон -
Не адский дух, а символ наслажденья.
А дивная утонченность тонов,
Дробящихся в различии согласном,
Проникновенье в таинство основ,
Лазурь в лазури, красное на красном!
А равнодушие к образу людей,
Пристрастие к разновидностям звериным,
Сплетенье в строгий узел всех страстей,
Огонь ума, скользящий по картинам!
Но более, чем это всё, у них
Люблю пробел лирического зноя.
Люблю постичь сквозь легкий нежный стих
Безбрежное отчаянье покоя.

2

К старинным манускриптам в поздний час
Почувствовав обычное призванье,
Я рылся между свитков — и как раз
Чванг-Санга прочитал повествованье.
Там смутный кто-то, — я не знаю кто, —
Ронял слова печали и забвенья:
«Бесчувственно Великое Ничто,
В нем я и ты — мелькаем на мгновенье.
Проходит ночь — и в роще дышит свет,
Две птички, тесно сжавшись, спали рядом,
Но с блеском дня той дружбы больше нет,
И каждая летит к своим уладам.
За тьмою — жизнь, за холодом — апрель,
И снова темный холод ожиданья.
Я разобью певучую свирель.
Иду на Запад, умерли мечтанья.
Бесчувственно Великое Ничто,
Земля и небо — свод немого храма.

Я тихо сплю,— я тот же и никто,
Моя душа — воздушность фимиама». *<Февраль 1900>*

* * *

Верьте мне, обманутые люди,
Я, как вы, ходил по всем путям.
Наша жизнь есть чудо в вечном Чуде,
Наша жизнь — и здесь, и вечно там.

Я знаком с безмерностью страданий,
Я узнал, где правда, где обман.
Яркий ужас наших испытаний
Нам не для насмешки плоской дан.

Верьте мне, неверящие братья,
Вы меня поймете через день.
Нашей вольной жизни нет проклятья,
Мы избрали сами светотень.

Мы избрали Зло как путь познания,
И законом сделали борьбу.
Уходя в тяжелое изгнание,
Мы живем, чтоб кончить жизнь в гробу.

Но когда с застывшими чертами,
Мертвые, торжественно мы спим,
Он, Незримый, дышит рядом с нами,
И, молясь, беседуем мы с Ним.

И душе таинственно понятно
В этот миг беседы роковой,
Что в пути, пройденном безвозвратно,
Рок ее был выбран ей самой.

Но, стремясь, греша, страдая, плача,
Дух наш вольный был всегда храним.
Жизнь была решенная задача,
Смерть пришла — как радость встречи с Ним.

ВЕСЬ - ВЕСНА

«Мой милый! — ты сказала мне.
Зачем в душевной глубине
Ты будишь бурные желанья?
Всё, что в тебе, влечет меня.
И вот в душе моей, звеня,
Растет, растет очарованье!»

Тебя люблю я столько лет,
И нежен я, и я поэт.
Так как же это, совершенство,
Что я тебя своей не звал,
Что я тебя не целовал,
Не задыхался от блаженства?

Скажи мне, счастье, почему?
Пойми: никак я не пойму,
Зачем мы стали у предела?
Зачем не хочешь ты любить,
Себя в восторге позабыть,
Отдать и душу мне и тело?

Пойми, о нежная мечта:
Я жизнь, я солнце, красота,
Я время сказкой зачарую,
Я в страсти звезды создаю,
Я весь — весна, когда пою,
Я — светлый бог, когда целую!

ВЕТЕР

Я жить не могу настоящим,
Я люблю беспокойные сны,
Под солнечным блеском палящим
И под влажным мерцаньем луны.

Я жить не хочу настоящим,
Я внимаю намекам струны,
Цветам и деревьям шумящим
И легендам приморской волны.

Желаньем томясь несказанным,

Я в неясном грядущем живу,
Вздыхаю в рассвете туманном
И с вечернею тучкой плыву.

И часто в восторге нежданном
Поцелуем тревожу листву.
Я в бегстве живу неустанным,
В ненасытной тревоге живу.

1895

ВОДА

Влажная пропасть сольется
С бездной эфирных высот.
Таинство — небом дается,
Слитность — зеркальностью вод.
«Только любовь»

От капли росы, что трепещет, играя
Огнем драгоценных камней,
До бледных просторов, где, вдаль убегая,
Венчается пеною влага морская
На глади бездонных морей,
Ты — всюду, всегда, неизменно живая,
И то изумрудная, то голубая,
То полная красных и желтых лучей,
Оранжевых, белых, зеленых и синих
И тех, что рождаются только в пустынях,
В волненье и пенье безмерных зыбей,
Оттенков, что видны лишь избранным взорам,
Дрожаний, сверканий, мельканий, которым
Нельзя подыскать отражающих слов,
Хоть в слове бездонность оттенков блистает,
Хоть в слове красивом всегда расцветает
Весна многоцветных цветов.
Вода бесконечные лики вмещает
В безмерность своей глубины,
Мечтанье на зыбях различных качает,
Молчаньем и пеньем душе отвечает,
Уводит сознание в сны.
Богатыми были, богаты и ныне
Просторы лазурно-зеленой пустыни,
Рождающей мир островной.
И море — все море, но в вольном просторе

Различно оно в человеческом взоре
Качается грезой-волной.

В различных скитаньях,
В иных сочетаньях,
Я слышал сказания бурь —
И знаю, есть разность в мечтаньях.

Я видел Индийское море, лазурь,
В нем волн голубые извивы,
И Красное море, где ласков коралл,
Где розовой краскою зыбится вал,
И Желтое, водные нивы,
Зеленое море, Персидский залив,
И Черное море, где буен прилив,
И Белое, призрак красивый.
И всюду я думал, что всюду, всегда,
Различно-прекрасна вода.

ВОСПОМИНАНИЕ О ВЕЧЕРЕ В АМСТЕРДАМЕ

Медленные строки

О тихий Амстердам
С певучим перезвоном
Старинных колоколен!
Зачем я здесь - не там,
Зачем уйти не волен,
О тихий Амстердам,
К твоим церковным звонам,
К твоим, как бы усталым,
К твоим, как бы забытым,
Загрязившим каналам,
С безжизненным их лоном,
С закатом запоздалым,
И ласковым, и алым,
Горящим здесь и там,
По этим сонным водам,
По сумрачным мостам,
По окнам и по сводам
Домов и колоколен,
Где, преданный мечтам,
Какой-то призрак болен,

Упрек сдержать не волен,
Тоскует с долгим стоном,
И вечным перезвоном
Поет и здесь и там...
О тихий Амстердам!
О тихий Амстердам!

ГОЛОС ДЬЯВОЛА

Я ненавижу всех святых,—
Они заботятся мучительно
О жалких помыслах своих,
Себя спасают исключительно.

За душу страшно им свою,
Им страшны пропасти мечтания,
И ядовитую Змею
Они казнят без сострадания.

Мне ненавистен был бы Рай
Среди теней с улыбкой кроткою,
Где вечный праздник, вечный май
Идет размеренной походкою.

Я не хотел бы жить в Раю,
Казня находчивость змеиную.
От детских лет люблю Змею
И ей люблюсь, как картиною.

Я не хотел бы жить в Раю
Меж тупоумцев экстатических.
Я гибну, гибну — и пою,
Безумный демон снов лирических.

ГОРНЫЙ КОРОЛЬ

Скандинавская песня

Н. IBSEN. GILDET PAA SOLHAUG*.

Горный король на далеком пути.

- Скучно в чужой стороне.-

Деву-красавицу хочет найти.

- Ты не вернешься ко мне.-

Видит усадьбу на мшистой горе.

- Скучно в чужой стороне.-

Кирстен-малютка стоит на дворе.

- Ты не вернешься ко мне.-

Он называет невестой ее.

- Скучно в чужой стороне.-

Деве дарит ожерелье свое.

- Ты не вернешься ко мне.-

Дал он ей кольца и за руку взял.

- Скучно в чужой стороне.-

Кирстен-малютку в свой замок умчал.

- Ты не вернешься ко мне.-

Годы проходят, пять лет пронеслось.

- Скучно в чужой стороне.-

Много бедняжке поплакать пришлось.

- Ты не вернешься ко мне.-

Девять и десять умчалось лет.

- Скучно в чужой стороне.-

Кирстен забыла про солнечный свет.

- Ты не вернешься ко мне.-

Где-то веселье, цветы и весна.

- Скучно в чужой стороне.-

Кирстен во мраке тоскует одна.

- Ты не вернешься ко мне.-

* Г.Ибсен. Пир в Сульхауге (норвежск.).

1894

ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

Быть может, когда ты уйдешь от меня,

Ты будешь ко мне холодней.

Но целую жизнь, до последнего дня,

О друг мой, ты будешь моей.

Я знаю, что новые страсти придут,
С другим ты забудешься вновь.
Но в памяти прежние образы ждут,
И старая тлеет любовь.

И будет мучительно-сладостный миг:
В лучах отлетевшего дня,
С другим заглянувши в бессмертный родник,
Ты вздрогнешь - и вспомнишь меня.
До 1898

ДОВОЛЬНО

Я был вам звенящей струной,
Я был вам цветущей весной,
Но вы не хотели цветов,
И вы не расслышали слов.

Я был вам призывом к борьбе,
Для вас я забыл о себе,
Но вы, не увидев огня,
Оставили молча меня.

Когда ж вы порвали струну,
Когда растоптали весну,
Вы мне говорите, что вот
Он звонко, он нежно поет.

Но если еще я пою,
Я помню лишь душу мою,
Для вас же давно я погас,
Довольно, довольно мне вас.

ДОЛИНЫ СНА

Пойду в долины сна,
Там вкось растут цветы,
Там падает луна
С бездонной высоты.

Вкось падает она —

И все не упадет.
В глухих долинах сна
Густой дурман цветет.

И странная струна
Играет без смычков,
Мой ум — в долинах сна,
Средь волн без берегов.

ДРУГУ

Милый друг, почему бесконечная боль
Затаилась в душе огорченной твоей?
Быть счастливым себя хоть на миг приневожь,
Будь как царь водяной и как горный король,
Будь со мною в дрожанье бессвязных ветвей.

Посмотри, как воздушно сиянье луны,
Как проходит она - не дыша, не спеша.
Все виденья в застывшей тиши сплетены,
Всюду свет и восторг, всюду сон, всюду сны.
О, земля хороша, хороша, хороша!

ДУРНОЙ СОН

Мне кажется, что я не покидал России,
И что не может быть в России перемен.
И голуби в ней есть. И мудрые есть змии.
И множество волков. И ряд тюремных стен.

Грязь "Ревизора" в ней. Весь гоголевский ужас.
И Глеб Успенский жив. И всюду жив Щедрин.
Порой сверкнет пожар, внезапно обнаружась,
И снова пал к земле земли убогий сын.

Там за окном стоят. Подайте. Погорели.
У вас нежданный гость. То - голубой мундир.
Учтивый человек. Любезный в самом деле.
Из ваших дневников себе устроил пир.

И на сто верст идут неправда, тяжба, споры,

На тысячу - пошла обида и беда.
Жужжат напрасные, как мухи. разговоры.
И кровь течет не в счет. И слезы - как вода.
<1913>

* * *

Еще необходимо любить и убивать,
Еще необходимо накладывать печать,
Быть внешним и жестоким, быть нежным без конца
И всех манить волнением красивого лица.

Еще необходимо. Ты видишь, почему:
Мы все стремимся к богу, мы тянемся к нему,
Но бог всегда уходит, всегда к себе маня,
И хочет тьмы — за светом, и после ночи — дня.

Всегда разнообразных, он хочет новых снов,
Хотя бы безобразных, мучительных миров,
Но только полных жизни, бросающих свой крик,
И гаснущих покорно, создавши новый миг.

И маятник всемирный, незримый для очей,
Ведет по лабиринту рассветов и ночей.
И сонмы звезд несутся по страшному пути.
И бог всегда уходит. И мы должны идти.
<1901>

ЖАР-ПТИЦА

То, что люди называли по наивности любовью,
То, чего они искали, мир не раз окрасив кровью,
Эту чудную Жар-Птицу я в руках своих держу,
Как поймать ее, я знаю, но другим не расскажу.

Что другие, что мне люди! Пусть они идут по краю,
Я за край взглянуть умею и свою бездонность знаю.
То, что в пропастях и безднах, мне известно навсегда,
Мне смеется там блаженство, где другим грозит беда.

\

День мой ярче дня земного, ночь моя не ночь людская,
Мысль моя дрожит безбрежно, в запредельность убегая.

И меня поймут лишь души, что похожи на меня,
Люди с волей, люди с кровью, духи страсти и огня!

* * *

За то, что нет благословения
Для нашей сказки — от людей,—
За то, что ищем мы забвения
Не в блеске принятых страстей,—

За то, что в сладостной бесцельности
Мы тайной связаны с тобой,—
За то, что тонем в беспредельности,
Не побежденные судьбой,—

За то, что наше упоение
Непостижимо нам самим,—
За то, что силою стремления
Себя мы пыткам предадим,—

За новый облик сладострастия,—
Душой безумной и слепой
Я проклял всё — во имя счастья,
Во имя гибели с тобой.

ЗАГЛЯНУТЬ

Позабывшись,
Наклонившись,
И незримо для других,
Удивленно
Заглянуть,
Полусонно
Воздохнуть,—
Это путь
Для того, чтоб воссоздать
То, чего нам в этой жизни вплоть до смерти не видать.

ЗАРОЖДАЮЩАЯСЯ ЖИЗНЬ

Сонет

Еще последний снег в долине мгlistой
На светлый лик весны бросает тень,
Но уж цветет душистая сирень,
И барвинок, и ландыш серебристый.

Как кроток и отраден день лучистый,
И как приветна ив прибрежных сень.
Как будто ожил даже мшистый пенъ,
Склонясь к воде, бестрепетной и чистой.

Кукушки нежный плач в глуши лесной
Звучит мольбой тоскующей и странной.
Как весело, как горестно весной,

Как мир хорош в своей красе нежданной -
Контрастов мир, с улыбкой неземной,
Загадочный под дымкою туманной.
1894

ЗАЧАРОВАННЫЙ ГРОТ

Жизнь проходит,— вечен сон.
Хорошо мне,— я влюблен.
Жизнь проходит,— сказка — нет.
Хорошо мне,— я поэт.
Душен мир,— в душе свежо.
Хорошо мне, хорошо.
<17 ноября 1900>

ЗВУК (ТОНЧАЙШИЙ ЗВУК...)

Тончайший звук, откуда ты со мной?
Ты создан птицей? Женщиной? Струной?
Быть может, солнцем? Или тишиной?

От сердца ли до сердца свеян луч?
Поэт ли спал, и был тот сон певуч?
Иль нежный с нежной заперся на ключ?

Быть может, колокольчик голубой
Качается, тоскуя сам с собой,
Заводит тяжбу с медленной судьбой?

Быть может, за преградою морей
Промчался ветер вдоль родных полей
И прошептал: «Вернись. Приди скорей».

Быть может, там, в родимой стороне,
Желанная томится обо мне,
И я пою в ее душе на дне?

И тот берущий кажущийся звук
Ручается, как призрак милых рук,
Что верен я за мглою всех разлук.
9 октября 1922

ЗЕЛЕНый И ЧЕРный

Подвижная сфера зрачков, в изумруде текучем сужаясь,
Расширяясь, сливает безмолвно привлеченную душу с душой.
В глубоких зрачках искушенья, во влаге зеленой качаясь,
Как будто бы манят, внушают: «Приблизься, ты мне не чужой».

О травянистый изумруд,
Глаза испанки светлокудрой!
Какой художник нежно-мудрый,
Утонченник, сказался тут?
Где все так жарко, чернооко,
Где всюду черный цвет волос;
В сиянье белокурых грез
Испанка-нимфа одиноко
Порой возникнет — и на вас
Струит огонь зеленых глаз.
Всего красивей черный цвет
В зрачках зеленых глаз.
Где водный свет? Его уж нет.
Лишь черный есть алмаз!
Зелено-бледная вода,
Русалочий затон,—
О, не одна здесь спит беда,
И чуток этот сон.
И каждый миг, и каждый час
Воздушный изумруд,

Воздушный цвет зеленых глаз
Поет мечте: «Я тут!»
Зрачок растет, и жадный свет
Зовет, берет, светясь.
Где целый мир? Его уж нет,
Лишь черный есть алмаз!

ЗЕМЛЯ

Цвет расцветшей жизни, нежный изумруд.
«Горящие здания»

Звезда, на которой сквозь небо мерцает трава.
«Фата Моргана»

Земля, я неземной, но я с тобою скован
На много долгих дней, на бездну быстрых лет.
Зеленый твой простор мечтою облюбован,
Земною красотой я сладко заколдован,
Ты мне позволила, чтоб жил я как поэт.

Меж тысячи умов мой мозг образовала
В таких причудливых сплетеньях и узлах,
Что все мне хочется, «Еще» твержу я, «Мало»,
И пытку я люблю, как упоенье бала,
Я быстрый альбатрос в безбрежных облаках.

Не страшны смелому безмерные усилья,
Шутя перелечу я из страны в страну,
Но в том весь ужас мой, что, если эти крылья
Во влаге омочу, исполненный бессилья,
Воздушный, неземной, я в море утону.

Я должен издали глядеть на эти воды,
В которых жадный клюв добычу может взять,
Я должен над землей летать не дни, а годы,
Но я блаженствую, я лучший сон природы,
Хоть как я мучаюсь — мне некому сказать.

И рыбы бледные, немые черепахи,
Быть может, знают мир, безвестный для меня,
Но мне так радостно застыть в воздушном взмахе,
В ненасытимости, в поспешности и страхе,

Над пропастью ночей и над провалом дня.

Земля зеленая, я твой, но я воздушный,
Сама велела ты, чтоб здесь я был таким,
Ты в пропастях летишь, и я лечу, послушный,
Я страшен, как и ты, я чуткий и бездушный,
Хотя я весь — душа, и мне не быть другим.

Зеленая звезда, планета изумруда,
Я так в тебе люблю безжалостность твою,
Ты не игрушка, нет, ты ужас, блеск и чудо,
И ты спешишь — туда, хотя идешь — оттуда,
И я тебя люблю, и я тебя пою.

В раскинутой твоей роскошной панораме,
В твоей, не стынувшей и в декабрых, весне,
В вертепе, в мастерской, в тюрьме, в семье и в храме
Мне вечно чудится картина в дивной раме,
Я с нею, в ней и вне, и этот сон — во мне.

Сказал, и более я повторять не стану,
Быть может, повторю, я властен повторить:
Я предал жизнь мою лучистому обману,
Я в безднах мировых нашел свою Светлану
И для нее кручу блистающую нить.

Моя любовь — земля, я с ней сплетен — для пира,
Легенду мы поем из звуковых примет.
В кошмарных звездностях, в безмерных безднах мира,
В алмазной плотности бессмертного эфира —
Сон Жизни, Изумруд, Весна, Зеленый Свет!

Земля, ты так любви достойна за то, что ты всегда иная,
Как убедительно и стройно все в глуби глаз, вся жизнь земная.
Поля, луга, долины, степи, равнины, горы и леса,
Болота, прерии, мареммы, пустыни, море, небеса.
Улыбки, шепоты и ласки, шуршанье, шелест, шорох, травы,
Хребты безмерных гор во мраке, как исполинские удавы,
Кошмарность ходов под землю, расселин, впадин и пещер,
И храмы в страшных подземельях, чей странен сказочный размер.
Дремотный блеск зарытых кладов, целебный ключ в тюрьме гранита,
И слитков золота сокрытость, что будет смелыми отрыта.
Паденье в пропасть, в мрак и ужас, в рудник, где раб —
как властелин,

И горло горного потока, и ряд оврагов меж стремнин.
В глубоких безднах океана — дворцы погибшей Атлантиды,
За сном потопа — вновь под солнцем — ковчег Атлантов, пирамиды,
Землетрясения, ужасность — тайфуна, взрытости зыбей,
Успокоительная ясность вчера лишь вспаханных полей.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

В замке был веселый бал,
Музыканты пели.
Ветерок в саду качал
Легкие качели.

В замке, в сладостном бреду,
Пела, пела скрипка.
А в саду была в пруду
Золотая рыбка.

И кружились под луной,
Точно вырезные,
Опьяненные весной,
Бабочки ночные.

Пруд качал в себе звезду,
Гнулись травы гибко,
И мелькала там в пруду
Золотая рыбка.

Хоть не видели ее
Музыканты бала,
Но от рыбки, от нее,
Музыка звучала.

Чуть настанет тишина,
Золотая рыбка
Промелькнет, и вновь видна
Меж гостей улыбка.

Снова скрипка зазвучит,
Песня раздается.
И в сердцах любовь журчит,
И весна смеется.

Взор ко взору шепчет: «Жду!»
Так светло и зыбко,
Оттого что там в пруду —
Золотая рыбка.
1903

ИГРАЮЩЕЙ В ИГРЫ ЛЮБОВНЫЕ

Есть поцелуи — как сны свободные,
Блаженно-яркие, до исступления.
Есть поцелуи — как снег холодные.
Есть поцелуи — как оскорбление.

О, поцелуи — насильно данные,
О, поцелуи — во имя мщения!
Какие жгучие, какие странные,
С их вспышкой счастья и отвращения!

Беги же с трепетом от исступленности,
Нет меры снам моим, и нет названия.
Я силен — волею моей влюбленности,
Я силен дерзостью — негодования!
<1901>

ИЗБРАННЫЙ

О, да, я Избранный, я Мудрый, Посвященный,
Сын солнца, я — поэт, сын разума, я — царь.
Но — предки за спиной и дух мой искаженный —
Татуированный своим отцом дикарь.

Узоры пестрые прорезаны глубоко.
Хочу их смыть — нельзя. Ум шепчет: перестань.
И с диким бешенством я в омуты порока
Бросаюсь радостно, как хищный зверь на лань.

Но, рынку дань отдав, его божбе и давкам,
Я снова чувствую всю близость к божеству.
Кого-то раздробив тяжелым томагавком,
Я мной убитого с отчаяньем зову.
<1899>

К ЕЛЕНЕ

О Елена, Елена, Елена,
Как виденье, явись мне скорей.
Ты бледна и прекрасна, как пена
Озаренных луною морей.

Ты мечтою открыта для света,
Ты душою открыта для тьмы.
Ты навеки свободное лето,
Никогда не узнаешь зимы.

Ты для мрака открыта душою,
И во тьме ты мерцаешь, как свет.
И, прозрев, я навеки с тобою,
Я — твой раб, я — твой брат — и поэт.

Ты сумела сказать мне без речи:
С красотою красиво живи,
Полюби эту грудь, эти плечи,
Но, любя, полюби без любви.

Ты сумела сказать мне без слова:
Я свободна, я вечно одна,
Как роптание моря ночного,
Как на небе вечернем луна.

Ты правдива, хотя ты измена,
Ты и смерть, ты и жизнь кораблей.
О Елена, Елена, Елена,
Ты красивая пена морей.
1903

К ЛЮДЯМ

О, люди, я к вам обращаюсь, ко всем,
Узнайте, что был я несчастен и нем,
Но раз полюбил я возвышенность гор,
И все полюбил я и понял с тех пор.

Я понял, но сердцем,— о, нет, не умом,
Я знаю, что радостен царственный гром,
Что молния губит людей и зверей,
Но мир наш вдвойне обольстителен с ней.

Мне нравится все, что земля мне дала,

И росой, как звездой,
Блещут ласковые травы.

Ты везде роняешь след,
И следы твои блистают,
И тюльпан, и златоцвет
За тобою расцветают.

Пролети в душе людской,
О, властительная фея.
Пусть гвоздика и левкой
В ней вздыхают пламенея.

О, царица светлых фей,
Мы — невольники усилий,
Мы не видим орхидей,
Мы не знаем белых лилий.

КАК НОЧЬ

Она пришла ко мне, молчащая, как ночь,
Глядящая, как ночь, фиалками-очами,
Где росы кроткие звездилися лучами,
Она пришла ко мне - такая же точь-в-точь,
Как тиховейная, как вкрадчивая ночь.

Ее единый взгляд проник до глубины тайной,
Где в зеркале немом - мое другое я,
И я - как лик ея, она - как тень моя,
Мы молча смотримся в затон необычайный,
Горящий звездностью, бездонностью и тайной.

КАМЫШИ

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.

О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят?

Мелькают, мигают - и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.

Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи свистят.

В болоте дрожит умирающий лик.
То месяц багровый печально поник.

И тиной запахло. И сырость ползет.
Трясина заманит, сожмет, засосет.

"Кого? Для чего? - камыши говорят, -
Зачем огоньки между нами горят?"

Но месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет все ниже свой лик.

И, вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно, шуршат камыши.
1895

КОВЫЛЬ

И.А.Бунину

Точно призрак умирающий,
На степи ковыль качается,
Смотрит месяц догорающий,
Белой тучкой омрачается.

И блуждают тени смутные
По пространству неоглядному,
И, непрочные, минутные,
Что-то шепчут ветру жадному.

И мерцание мелькнувшее
Исчезает за туманами,
Утонувшее минувшее
Возникает над курганами.

Месяц меркнет, омрачается,
Догорающий и тающий,
И, дрожа, ковыль качается,
Точно призрак умирающий.
1895

КОСТРЫ

Да, и жгучие костры
Это только сон игры.
Мы играем в палачей.
Чей же проигрыш? Ничей.

Мы меняемся всегда.
Нынче «нет», а завтра «да».
Нынче я, а завтра ты.
Всё во имя красоты.

Каждый звук — условный крик.
Есть у каждого двойник.
Каждый там глядит как дух,
Здесь — телесно грезит вслух.

И пока мы здесь дрожим,
Мир всемирный нерушим.
Но в желаньи глянуть вниз
Все верховные сошлись.

Каждый любит, тень любя,
Видеть в зеркале себя.
И сплетенье всех в одно
Глубиной повторено.

Но, во имя глубины,
Мы страдаем, видя сны.
Все мы здесь, наоборот,
Повторяем небосвод.

Свет оттуда — здесь как тень,
День - как ночь, и ночь - как день.
Вечный творческий восторг
Этот мир, как крик, исторг.

Мир страданьем освящен.
Жги меня - и будь сожжен.
Нынче я, а завтра ты,
Всё во имя красоты.

<1901>

КРАСНЫЙ

— Кораллы, рубины, гранаты,
Вы странным внушеньем богаты:
На вас поглядишь — и живешь,
Как будто кого обнимаешь;
На вас поглядев, понимаешь,
Что красная краска не ложь.

О кровь, много таинств ты знаешь!

Когда по равнине пустынно-седой
Скользишь утомленно чуть зрячей мечтой,
Лишь встретишь ты красный какой лоскуток,—
Вмиг в сердце — рождение строк,
Как будто бы что-то толкнуло мечту,
И любишь опять горячо Красоту
И красочный ловишь намек.

О кровь, я намеков твоих не сочту!

Когда, как безгласно-цветочные крики,
Увижу я вдруг на июльских лугах
Капли крови в гвоздике,
Внутри, в лепестках,
Капли алые крови живой,
Юной, страстной, желающей ласк и деления чуждой на
«мой» или «твой»,—
Мне понятно, о чем так гвоздика мечтает,
Почему лепестки опьяненному солнцу она подставляет;
Вижу, вижу, вливается золото в алую кровь
И теряется в ней, возрождается вновь,
Взор глядит — и не знает, где именно солнце,
Где отливы и блеск золотого червонца,
Где гвоздики девически-нежной любовь.

О кровь, как ты странно-пленительна, кровь!

Вот, словно во сне,
Почудились мне
Столепестковые розы,
В оттенках, в несчетности их лепестков
Вновь вижу, как девственны, женственны грезы,
Но знаю, что страстность доходит почти до угрозы,
Знаю я, как бесконечно-богаты уста,

Заводь спит. Молчит вода зеркальная.
Только там, где дремлют камыши,
Чья-то песня слышится, печальная,
Как последний вздох души.

Это плачет лебедь умирающий,
Он с своим прошедшим говорит,
А на небе вечер догорающий
И горит и не горит.

Отчего так грустны эти жалобы?
Отчего так бьется эта грудь?
В этот миг душа его желала бы
Невозвратное вернуть.

Все, чем жил с тревогой, с наслаждением,
Все, на что надеялась любовь,
Проскользнуло быстрым сновидением,
Никогда не вспыхнет вновь.

Все, на чем печать непоправимого,
Белый лебедь в этой песне слил,
Точно он у озера родимого
О прощении молил.

И когда блеснули звезды дальние,
И когда туман вставал в глуши,
Лебедь пел все тише, все печальнее,
И шептались камыши.

Не живой он пел, а умирающий,
Оттого он пел в предсмертный час,
Что пред смертью, вечной, примиряющей,
Видел правду в первый раз.

1895

ЛИНИИ СВЕТА

Длинные линии света
Ласковой дальней луны.
Дымкою море одето.
Дымка — рожденье волны.

Волны, лелея, сплетают

Светлые пряди руна.
Хлопья плывут — и растают,
Новая встанет волна.

Новую линию блеска
Вытянет ласка луны.
Сказка сверканий и плеска
Зыбью дойдет с глубины.

Влажная пропасть сольется
С бездной эфирных высот.
Таинство небом дается,
Слитность — зеркальностью вод.

Есть полногласность ответа,
Только желай и зови.
Длинные линии света
Тянутся к нам от любви.
1903

ЛОМАНЫЕ ЛИНИИ

Ломаные линии, острые углы.
Да, мы здесь — мы прячемся в дымном царстве мглы.

Мы еще покажемся из угрюмых нор,
Мы еще нарядимся в праздничный убор.

Глянем и захватим вас, вбросим в наши сны.
Мы еще покажем вам свежесть новизны.

Подождите, старые, знавшие всегда
Только два качания, только нет и да.

Будет откровение, вспыхнет царство мглы.
Утро дышит пурпуром... Чу! Кричат орлы!

ЛУННЫЙ СВЕТ

Сонет

Когда луна сверкнет во мгле ночной

Своим серпом, блистательным и нежным,
Моя душа стремится в мир иной,
Пленяясь всем далеким, всем безбрежным.

К лесам, к горам, к вершинам белоснежным
Я мчусь в мечтах; как будто дух больной,
Я бодрствую над миром безмятежным,
И сладко плачу, и дышу - луной.

Впиваю это бледное сиянье,
Как эльф, качаюсь в сетке из лучей,
Я слушаю, как говорит молчанье.

Людей родных мне далеко страданье,
Чужда мне вся земля с борьбой своей,
Я - облачко, я - ветерка дыханье.

1894

ЛЮБИ

"Люби!" - поют шуршащие березы,
Когда на них сережки расцвели.
"Люби!" - поет сирень в цветной пыли.
"Люби! Люби!" - поют, пылая, розы.

Страшись безлюбья. И беги угрозы
Бесстрастия. Твой полдень вмиг - вдали.
Твою зарю теченья зорь сожгли.
Люби любовь. Люби огонь и грезы.

Кто не любил, не выполнил закон,
Которым в мире движутся созвездья,
Которым так прекрасен небосклон.

Он в каждом часе слышит мертвый звон.
Ему никак не избежать возмездья.
Кто любит, счастлив. Пусть хоть распят он.

МЕЖ ПОДВОДНЫХ СТЕБЛЕЙ

Хорошо меж подводных стеблей.
Бледный свет. Тишина. Глубина.

Мы заметим лишь тень кораблей.
И до нас не доходит волна.

Неподвижные стебли глядят,
Неподвижные стебли растут.
Как спокоен зеленый их взгляд,
Как они бестревожно цветут.

Безглагольно глубокое дно.
Без шуршанья морская трава.
Мы любили, когда-то, давно,
Мы забыли земные слова.

Самоцветные камни. Песок.
Молчаливые призраки рыб.
Мир страстей и страданий далек.
Хорошо, что я в море погиб.
Не позже 1903

МИНУТА

Хороша эта женщина в майском закате,
Шелковистые пряди волос в ветерке,
И горенье желанья в цветах, в аромате,
И далекая песня гребца на реке.

Хороша эта дикая вольная воля;
Протянулась рука, прикоснулась рука,
И сковала двоих - на мгновенье, не боле,-
Та минута любви, что продлится века.
1921

* * *

Мне ненавистен гул гигантских городов,
Противно мне толпы движенье,
Мой дух живет среди лесов,
Где в тишине уединенья
Внемлю я музыке незримых голосов,
Где неустанный бег часов
Не возмущает упоенья,
Где сладко быть среди цветов
И полной чашей пить из родника забвенья.

МОИ ПРОКЛЯТИЯ

Мои проклятия — обратный лик любви,
В них тайно слышится восторг благословенья,
И ненависть моя спешит, чрез утоление,
Опять, приняв любовь, зажечь пожар в крови.
Я прокляну тебя за низость обмеленья,
Но радостно мне знать, что мелкая река,
Приняв мой снег и лед, вновь будет глубока,
Когда огонь весны создаст лучи и пенье.
Когда душа в цепях, в душе кричит тоска,
И сердцу хочется к безбрежному приволью.
Чтоб разбудить раба, его я раню болью,
Хоть я душой нежней речного тростника.
Чу, песня пронеслась по вольному раздолью,
Безумный блеск волны, исполненной любви,
Как будто слышен зов: «Живи! Живи! Живи!»
То льды светло звенят, отдавшись водополью.

* * *

Мой друг, есть радость и любовь,
Есть все, что будет вновь и вновь,
Хотя в других сердцах, не в наших.
Но, милый брат, и я и ты -
Мы только грезы Красоты,
Мы только капли в вечных чашах
Неотцветающих цветов,
Непогибающих садов.

МОРСКАЯ ДУША

У нее глаза морского цвета,
И живет она как бы во сне.
От весны до окончания лета
Дух ее в нездешней стороне.

Ждет она чего-то молчаливо,

Где сильнее всего шумит прибой,
И в глазах глубоких в миг отлива
Холодеет сумрак голубой.

А когда высоко встанет буря,
Вся она застынет, внемля плеск,
И глядит как зверь, глаза прищуря,
И в глазах ее — зеленый блеск.

А когда настанет новолунье,
Вся изнемогая от тоски,
Бледная влюбленная колдунья
Расширяет черные зрачки.

И слова какого-то обета
Всё твердит, взволнованно дыша.
У нее глаза морского цвета,
У нее неверная душа.

НАБАТ

Лишенный родины, меж призраков бездушных,
Не понимающих, что мерный мудрый стих
Всемирный благовест средь сумраков густых,
Один люблюсь я на звенья строк послушных.

Они журчащий ключ во днях пустынно-душных.
В них сговор солнц и лун для праздников святых,
Веселый хоровод из всплесков золотых,
В них грозный колокол для духов двоедушных.

От звуковой волны порвется злая сеть.
Качнувшись, побегут в пространство привиденья.
Все дальше, дальше, прочь от грозного рденья.

А бронза гулкая и стонущая медь,
Возникши в воздухе глаголом осужденья,
Продлят свой долгий гуд, веля судьбе — греметь.
12 августа 1922

НАДГРОБНЫЕ ЦВЕТЫ

Среди могил неясный шепот,

Неясный шепот ветерка.
Печальный вздох, тоскливый ропот,
Тоскливый ропот ивняка.

Среди могил блуждают тени
Усопших дедов и отцов,
И на церковные ступени
Восходят тени мертвецов.

И в дверь церковную стучатся,
Они стучатся до зари,
Пока вдали не загорятся
На бледном небе янтари.

Тогда, поняв, что жизнь минутна,
Что безуспешна их борьба,
Рыдая горестно и смутно,
Они идут в свои гроба.

Вот почему наутро блещут
Цветы над темною плитой:
В них слезы горькие трепещут
О жизни - жизни прожитой.
<1894>

* * *

Нет дня, чтоб я не думал о тебе,
Нет часа, чтоб тебя я не желал.
Проклятие невидящей судьбе,
Мудрец сказал, что мир постыдно мал.

Постыдно мал и тесен для мечты,
И все же ты далеко от меня.
О, боль моя! Желанна мне лишь ты,
Я жажду новой боли и огня!

Люблю тебя капризною мечтой,
Люблю тебя всей силою души,
Люблю тебя всей кровью молодой,
Люблю тебя, люблю тебя, спеши!

НИТЬ АРИАДНЫ

Меж прошлым и будущим нить
Я тку неустанной, проворной рукою;
Хочу для грядущих столетий покорно и честно служить
Борьбой, и трудом, и тоскою,-

Тоскою о том, чего нет,
Что дремлет пока, как цветок под водою,
О том, что когда-то проснется, чрез многие тысячи лет,
Чтоб вспыхнуть падучей звездой.

Есть много несказанных слов
И много созданий, не созданных ныне,-
Их столько же, сколько песчинок среди бесконечных песков
В немой Аравийской пустыне.

1894

* * *

О, женщина, дитя, привыкшее играть
И взором нежных глаз, и лаской поцелуя,
Я должен бы тебя всем сердцем презирать,
А я тебя люблю, волнуясь и тоскуя!
Люблю и рвусь к тебе, прощаю и люблю,
Живу одной тобой в моих терзаннях страстных,
Для прихоти твоей я душу погублю,
Все, все возьми себе - за взгляд очей прекрасных,
За слово лживое, что истины нежней,
За сладкую тоску восторженных мучений!
Ты, море странных снов, и звуков, и огней!
Ты, друг и вечный враг! Злой дух и добрый гений!
1894

ОГОНЬ

Не устану тебя восхвалять,
О внезапный, о страшный, о вкрадчивый,
На тебе расплавляют металлы,
Близ тебя создают и куют.
«Будем как солнце»

Огнепоклонником я прежде был когда-то,
Огнепоклонником останусь я всегда.

Мое индийское мышление богато
Разнообразием рассвета и заката,
Я между смертными — падучая звезда.

Средь человеческих бесцветных привидений,
Меж этих будничных безжизненных теней,
Я вспышка яркая, блаженство исступлений,
Игрую красочной светло венчанной гений,
Я праздник радости, расцвета и огней.

Как обольстительна в провалах тьмы комета!
Она пугает мысль и радует мечту.
На всем моем пути есть светлая примета,
Мой взор — блестящий круг, за мною — вихри света,
Из тьмы и пламени узоры я плету.

При разрешенности стихийного мечтанья,
В начальном хаосе, еще не знавшем дня,
Не гномом роющим я был среди мирозданья
И не ундиною морского трепетанья,
А саламандрою творящего Огня.

Под Гималаями, чьи выси — в блесках рая,
Я понял яркость дум, среди долинной мглы;
Горела в темноте моя душа живая,
И людям я светил, костры им зажигая,
И Агни светлому слагал свои хвалы.

С тех пор, как миг один, прошли тысячелетья,
Смешались языки, содвинулись моря,
Но все еще на свет не в силах не глядеть я,
И знаю явственно, пройдут еще столетья,
Я буду все светить, сжигая и горя.

О да, мне нравится, что бело так и ало
Горенье вечное земных и горних стран.
Молиться пламени сознание не устало,
И для блестящего мне служат ритуала
Уста горячие, и солнце, и вулкан.

Как убедительна лучей растущих чара,
Когда нам солнце вновь бросает жаркий взгляд,
Неисчерпаемость блистательного дара!
И в красном зареве победного пожара
Как убедителен, в оправе тьмы, закат!

И в страшных кратерах — молитвенные взрывы:
Качаясь в пропастях, рождаются на дне
Колосья пламени, чудовищно-красивы,
И вдруг взмечаются пылающие нивы,
Устав скрывать свой блеск в могучей глубине.

Бегут колосья ввысь из творческого горна,
И шелестенья их слагаются в напев,
И стебли жгучие сплетаются узорно,
И с свистом падают пурпуровые зерна,
Для сна отдельности в той слитности созрев.

Не то же ль творчество, не то же ли горенье,
Не те же ль ужасы, не та же красота
Кидают любящих в безумные сплетенья,
И заставляют их кричать от наслажденья,
И замыкают им безмолвием уста.

В порыве бешенства в себя принявши вечность,
В блаженстве сладостном истомной слепоты,
Они вдруг чувствуют, как дышит бесконечность,
И в их сокрытиях, сквозь ласковую млечность,
Молниеносные рождаются цветы.

Огнепоклонником судьба мне быть велела,
Мечте молитвенной ни в чем преграды нет.
Единым пламенем горят душа и тело,
Глядим в бездонность мы в узорностях предела,
На вечный праздник снов зовет безбрежный свет.

* * *

Она отдалась без упрека,
Она целовала без слов.
- Как темное море глубоко,
Как дышат края облаков!

Она не твердила: "Не надо",
Обетов она не ждала.
- Как сладостно дышит прохлада,
Как тает вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утрат.
- Как сказочно светят созвездья,
Как звезды бессмертно горят!
До 1903

ОСЕНЬ (ПОСПЕВАЕТ БРУСНИКА...)

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее,
И от птичьего крика
В сердце стало грустнее.

Стаи птиц улетают
Прочь, за синее море.
Все деревья блистают
В разноцветном уборе.

Солнце реже смеется,
Нет в цветах благовонья.
Скоро Осень проснется
И заплачет спросонья.

ОТПАДЕНИЯ

Отпадения в мир сладострастия
Нам самую судьбой суждены.
Нам неведомо высшее счастье.
И любить и желать — мы должны.

И не любит ли жизнь настоящее?
И не светят ли звезды за мглой?
И не хочет ли солнце горящее
Сочетаться любовью с землей?

И не дышит ли влага прозрачная,
В глубину принимая лучи?
И не ждет ли земля новобрачная?
Так люби. И целуй. И молчи.
Весна 1900

ПАМЯТИ И.С.ТУРГЕНЕВА

1

Уходят дни. И вот уж десять лет
Прошло с тех пор, как смерть к тебе склонилась.
Но смерти для твоих созданий нет,
Толпа твоих видений, о поэт,
Бессмертием навеки озарилась.

2

В немом гробу ты спишь глубоким сном.
Родной страны суровые метели
Рыдают скорбно в сумраке ночном,
Баюкают тебя в твоей постели
И шепчут о блаженстве неземном.

* Было прочитано автором 31-го октября 1893 года в Москве, в заседании Общества любителей российской словесности, посвященном памяти И. С. [Тургенева](#). (Прим. К. Бальмонта.)

3

Ты заслужил его. Во тьме невзгоды,
Когда, под тяжким гнетом, край родной,
Томясь напрасной жаждою свободы,
Переживал мучительные годы,
Ты был исполнен думою одной:

4

Кумир неволи сбросить с пьедестала,
Живой волной ударить в берега,
Сломить ту силу, что умы сковала, -
И ты поклялся клятвой Ганнибала -
Жить лишь затем, чтоб растоптать врага.

5

И ты спустился в темные пучины

Народной жизни, горькой и простой,
Пленяющей печальной красотой,
И подсмотрел цветы среди грязной тины,
Среди грубости - любви порыв святой.

6

И слился ты с той светлою плеядой,
Пред чьим огнем рассеялась тьма,
Пред чьим теплом растаяла зима;
Нахлынули борцы живой громадой -
И пала крепостничества тюрьма.

7

Но в этот миг, зиждительный и чудный,
Ты не хотел душою отдохнуть,
Святым огнем твоя горела грудь,
И вот опять - далекий, многотрудный,
Перед тобой открылся новый путь.

8

Дворянских гнезд заветные аллеи.
Забывтый сад. Полузаросший пруд.
Как хорошо, как все знакомо тут!
Сирень, и резеда, и эпомеи,
И георгины гордые цветут.

9

Затмилась ночь. Чуть слышен листьев ропот.
За рощей чуть горит луны эмаль.
И в сердце молодом встает печаль.
И слышен чей-то странный, грустный шепот.
Кому-то в этот час чего-то жаль.

10

И там вдали, где роща так туманна,
Где луч едва трепещет над тропой,-
Елена, Маша, Лиза, Марианна,
И Ася, и несчастная Сусанна -
Собралися воздушною толпой.

11

Знакомые причудливые тени,
Создания любви и красоты,
И девственной и женственной мечты,-
Их вызвал к жизни чистый, нежный гений,
Он дал им форму, краски и черты.

12

Не будь его, мы долго бы не знали
Страданий женской любящей души,
Ее заветных дум, немой печали;
Лишь с ним для нас впервые прозвучали
Те песни, что таилися в тиши.

13

Он возмутил стоячих вод молчанье,
Запросам тайным громкий дал ответ,
Из тьмы он вывел женщину на свет,
В широкий мир стремлений и сознанья,
На путь живых восторгов, битв и бед.

14

Вот почему, с любовью вспоминая
О том, кто удалился в мир иной,
Пред кем зажегся светоч неземной,
Здесь собралась толпа ему родная,
С ним слившаяся мыслию одной:

15

Пусть мы с тобой разлучены судьбою
Уж десять невозвратных долгих лет,
Но ты, наш друг, учитель и поэт,
Средь нас живешь! Сверкает над тобою
Бессмертия нетленный, чистый свет!
1894

ПЕСНЯ АРАБА

Есть странная песня араба, чье имя — ничто.

Мне сладко, что этот поэт меж людей неизвестен.
Не каждый из нас так правдив, и спокоен, и честен,
Нам хочется жить — ну хоть тысячу лет, ну хоть сто.

А он, сладкозвучный, одну только песню пропел
И, выразив тайно свою одинокую душу,
Как вал океана, домчался на бледную сушу —
И умер, как пена, в иной удаляясь предел.

Он пел: «Я любил красоту. А любила ль она,
О том никогда я не знал, никогда не узнаю.
За первую встречей к иному умчался я краю,—
Так небо хотело, и так повелела луна.

Прекрасная дева на лютне играла, как дух,
Прекрасная дева смотрела глазами газели.
Ни слова друг другу мы с нею сказать не успели,
Но слышало сердце, как был зачарован мой слух.

И взгляд мой унес отраженье блистающих глаз.
Я прожил пять лет близ мечетей Валата-Могита,
Но сердцем владычица дум не была позабыта.
И волей созвездий второй мы увиделись раз.

Я встретил другую. Я должен спросить был тогда,
Она ли вот эта. Все ж сердце ее разглядело.
И счастлив я был бы, когда бы она захотела,
Но, слова не молвив, она отошла навсегда.

Мне не в чем ее упрекнуть. Мы не встретимся вновь.
Но мне никогда обещанья она не давала.
Она не лгала мне. Так разве же это так мало?
Я счастлив. Я счастлив. Я знал, что такое любовь!»
1903

ПЕЧАЛЬ ЛУНЫ

Ты мне была сестрой, то нежною, то страстной,
И я тебя любил, и я тебя люблю.
Ты призрак дорогой... бледнеющий... неясный...
О, в этот лунный час я о тебе скорблю!

Мне хочется, чтоб ночь, раскинувшая крылья,
Воздушной тишиной соединила нас.

Мне хочется, чтоб я, исполненный бессилья,
В твои глаза струил огонь влюбленных глаз.

Мне хочется, чтоб ты, вся бледная от муки,
Под лаской замерла, и целовал бы я
Твое лицо, глаза и маленькие руки,
И ты шепнула б мне: «Смотри, я вся — твоя!»

Я знаю, все цветы для нас могли возникнуть,
Во мне дрожит любовь, как лунный луч в волне.
И я хочу стонать, безумствовать, воскликнуть:
«Ты будешь навсегда любовной пыткой мне!»
1903

ПЛАМЯ

Нет. Уходи скорей. К восторгам не зови.
Любить? - Любя, убить - вот красота любви.
Я только миг люблю - и удаляюсь прочь.
Со мной был ясный день - за мной клубится ночь.

Я не люблю тебя. Мне жаль тебя губить.
Беги, пока еще ты можешь не любить.
Как жернов буду я для полудетских плеч.
Светить и греть?.. - Уйди! Могу я только жечь.
До 1898

ПО ВСХОДАМ

Я не верю в черное начало,
Пусть праматерь нашей жизни ночь,
Только солнцу сердце отвечало
И всегда бежит от тени прочь.

Я не верю. Нет закона веры.
Если верю, знает вся душа,
Что бессильны всякие примеры
И что жизнь в основе хороша.

И сегодня будет час заката,
И сегодня ночь меня скует,
Но красивы волны аромата,
И цветок в ночи готовит мед.

Если камень вижу я случайно,
И его окраска холодна,
Знаю я, что волшебствует тайна,
Лишь ударь, и искра в нем красна.

Если скажут: солнцу быть не вечно,
Есть конец и солнечной игры,
Я взгляну, полнеба светит млечно,
Там миры баюкают миры.

Нам даны ступени темных лестниц,
Чтоб всходить к горнилу всех лучей,
Все минуты мчатся с ликом вестниц,
В новом восходе будешь петь звончей.

Снова будем в ласковом тумане,
В радости узнать начальный час,
И нашепчет голос старой няни
Вечно-торжествующий рассказ.
16 октября 1922

ПОЕДИНОК

Долго я лежу на льду зеркальном,
Меряю терпением своим,
Что сильнее в сне многострадальном,
Мой ли жар иль холод-нелюдим.

Льдяной холод ночи предполярной,
Острый ветер, бьющий снежной мглой.
Но, как душный дух избы угарной,
Я упряма и весь в мечте былой.

Думаю на льду о том горенье,
Что зажгло меня в веках костром,
Выявилось в страсти, в звонком пенье,
Сделало напев мой серебром.

Велика пустыня ледяная,
Никого со мною в зорком сне.
Только там, среди звезд, одна, родная,
Говорит со мною в вышине.

Та звезда, что двигаться не хочет,
Предоставя всем свершать круги,
В поединке мне победу прочит
И велит мне: «Сердце сбереги».

И, внимая тайным алым пляскам,
Что во мне свершаются внутри,
К синим льдам, как в царстве топей вязком,
Пригвожден, хоть стыну, жду зари.

Ходит ветер. Холит вьюгу, лютый.
Льды хрустят. Но вышний воздух тих.
Я считаю годы и минуты
И звезде слагаю мерный стих.
10 сентября 1922

ПОЖАР

Я шутя ее коснулся,
Не любя ее зажег.
Но, увидев яркий пламень,
Я — всегда мертвей, чем камень,-
Ужаснулся
И хотел бежать скорее —
И не мог.

Трепеща и цепenea,
Вырастал огонь, блестя,
Он дрожал, слегка свистя,
Он сверкал проворством змея,
Всё быстрее
Он являл передо мною лики сказочных зверей.

С дымом бьющимся мешаясь,
В содержаньи умножаясь,
Он, взметаясь, красовался надо мною и над ней.

Полный вспышек и теней,
Равномерно, неотступно
Рос губительный пожар.
Мне он был блестящей рамой,
В ней возник он жгучей драмой,
И преступно
Вместе с нею я светился в быстром блеске дымных

чар.

ПОЗДНО

Было поздно в наших думах.
Пела полночь с дальних башен.
Темный сон домов угрюмых
Был таинственен и страшен.

Было тягостно-обидно.
Даль небес была беззвездна.
Было слишком очевидно,
Что любить, любить нам - поздно.

Мы не поняли начала
Наших снов и песнопений.
И созвучье отзвучало
Без блаженных исступлений.

И на улицах угрюмых
Было скучно и морозно.
Било полночь в наших думах
Было поздно, поздно, поздно.

ПОХВАЛА УМУ

Безумие и разум равноценны,
Как равноценны в мире свет и тьма.
В них — два пути, пока мы в мире пленны,
Пока замкнуты наши терема.

И потому мне кажется желанной
Различность и причудливость умов.
Ум английский — и светлый и туманный,
Как море вокруг несчетных островов.

Бесстыдный ум француза, ум немецкий —
Строительный, тяжелый и тупой,
Ум русский — испуленно-молодецкий,
Ум скандинавский — вещей и слепой.

Испанский ум, как будто весь багряный,
Горячий, как роскошный цвет гвоздик,
Ум итальянский — сладкий, как обманы,
Утонченный, как у мадонны лик.

Как меч, как властный голос — ум латинский,
Ум эллинский — язык полубогов,
Индийский ум, кошмарно-исполинский,—
Свод радуги, богатство всех тонов.

Я вижу: волны мира многопенны,
Я здесь стою на звонком берегу,
И кто б ты ни был, Дух, пред кем мы пленны,
Привет мой всем — и брату, и врагу.

ПОЭТЫ

Ю. Балтрушайтису

Тебе известны, как и мне,
Непобедимые влечения,
И мы — в небесной вышине,
И мы — подводные течения.

Пред нами дышит череда
Явлений Силы и Недужности,
И в центре круга мы всегда,
И мы мелькаем по окружности.

Мы смотрим в зеркало Судьбы
И как на праздник наряжаемся,
Полувладыки и рабы,
Вкруг темных склепов собираемся.

И услыхав полночный бой,
Упившись музыкой железною,
Мы мчимся в пляске круговой
Над раскрывающейся бездною.

Игра кладбищенских огней
Нас манит сказочными чарами,
Везде, где смерть, мы тут же с ней,
Как тени дымные — с пожарами.

И мы, незримые, горим,
И сон чужой тревожим ласками,
И меж неопытных царим
Безумьем, ужасом и сказками.
<1900>

ПРЕД ИТАЛЬЯНСКИМИ ПРИМИТИВАМИ

Как же должны быть наивно-надменны
Эти плененные верой своей!
Помнишь, они говорят: «Неизменны
Наши пути за пределами дней!»

Помнишь, они говорят: «До свиданья,
Брат во Христе! До свиданья — в раю!»
Я только знаю бездонность страданья,
Ждущего темную душу мою.

Помнишь? Луга, невысокие горы,
Низко над ними висят небеса,
Чистеньких рощиц мелькают узоры,—
Это, конечно, не наши леса.

Видишь тот край, где отсутствуют грозы?
Здесь пребывает святой Иероним,—
Льва исцелил он от острой занозы,
Сделал служителем верным своим.

Львы к ним являлись просить врачеванья!
Брат мой, как я, истомленный во мгле,
Где же достать нам с тобой упованья
На измененной земле?
Весна 1900, Севилья

ПРОКЛЯТЫЕ ГЛУПОСТИ

Сонет

Увечье, помешательство, чахотка,
Падучая и бездна всяких зол,
Как части мира, я терплю вас кротко,
И даже в вас я таинство нашел.

Для тех, кто любит чудищ, все находка,
Иной среди зверей всю жизнь провел,
И как для закоснелых пьяниц - водка,
В гармонии мне дорог произвол.

Люблю я в мире скрип всемирных осей,
Крик коршуна на сумрачном откосе,
Дорог житейских рытвины и гать.

На всем своя - для взора - позолота.
Но мерзок сердцу облик идиота,
И глупости я не могу понять!
<1899>

ПРОСВЕТЫ

Блеснув мгновенным серебром,
В реке плотица в миг опаски
Сплетет серебряные сказки.

Телега грянет за холмом,
Домчится песня, улетая,
И в сердце радость молодая.

И грусть. И отчий манит дом.
В душе растает много снега,
Ручьем заплачет в сердце нега.

И луч пройдет душевным дном,
И будешь грезить об одном,
О несравненном, о родном.
30 декабря 1922

ПРОЩАНИЕ С ДРЕВОМ

Я любил вознесенное сказками древо,
На котором звенели всегда соловьи,
А под деревом раскинулось море посева,
И шумели колосья, и пели ручьи.

Я любил переклички, от ветки до ветки,
Легкокрылых, цветистых, играющих птиц.

Были древние горы ему однолетки,
И ровесницы степи, и пряжа зарниц.

Я любил в этом древе тот говор вершинный,
Что вещает пришествие близкой грозы,
И шуршанье листвы перекатно-лавинной,
И паденье заоблачной первой слезы.

Я любил в этом древе с ресницами Вия,
Между мхами, старинного лешего взор.
Это древо в веках называлось Россия,
И на ствол его — острый наточен топор.
7 сентября 1917, Москва

РАЗЛУКА

Сонет

Разлука ты, разлука,
Чужая сторона,
Никто меня не любит,
Как мать-сыра-земля.
Песня бродяги.

Есть люди, присужденные к скитаньям,
Где б ни был я,— я всем чужой, всегда.
Я предан переменчивым мечтаньям,
Подвижным, как текучая вода.

Передо мной мелькают города,
Деревни, села, с их глухим страданьем.
Но никогда, о, сердце, никогда
С своим я не встречался ожиданьем.

Разлука! След чужого корабля!
Порыв волны — к другой волне, несхожей.
Да, я бродяга, топчущий поля.

Уставши повторять одно и то же,
Я падаю на землю. Плачу. Боже!
Никто меня не любит, как земля!

РАНЕНЫЙ

Я насмерть поражен своим сознанием,
Я ранен в сердце разумом моим.
Я неразрывен с этим мирозданием,
Я создал мир со всем его страданием.
Струя огонь, я гибну сам, как дым.

И, понимая всю обманность чувства,
Игру теней, рожденных в мире мной,
Я, как поэт, постигнувший искусство,
Не восхищен своею глубиной.

Я сознаю, что грех, и тьма во взоре,
И топь болот, и синий небосклон —
Есть только мысль, есть призрачное море,
Я чувствую, что эта жизнь есть сон.

Но, видя в жизни знак безбрежной воли,
Создатель, я созданием не любим.
И, весь дрожа от нестерпимой боли,
Живя у самого себя в неволе,
Я ранен насмерть разумом моим.
<1899>

РЕШЕНИЕ ФЕИ

Солнце жаворонку силу петь дает,
Он до солнца долетает и поет.
Птичка жаворонок — певчим птичкам царь,
На совете птиц давно решили, встарь.

Но решенье птиц не принял соловей,
Он с обидой дожидается ночей.
И как только означается луна,
Соловьиная баллада всем слышна.

Фея молвила: «Чего же спорить им?
Ну и глупые с решением своим.
После утра есть вечерняя заря,
В дне и ночи пусть нам будут два царя».
Осень 1905

РИВВЕЙРА

Ты не был знаком с ароматом
Кругом расцветавших цветов.
Жестокий и мрачный анатом,
Ты жаждал разъятья основ.

Поняв убедительность муки,
Ее затаил ты в крови,
Любя искаженные руки,
Как любят лобзанья в любви.

Ты выразил ужас неволи —
И бросил в беззвездный предел
Кошмары исполненных боли,
Тобою разорванных тел.

Сказав нам, что ужасы пыток
В созданьях мечты хороши,
Ты ярко явил нам избыток
И бешенство мощной души.

И тьмою, как чарой, владея,
Ты мрак приобщил к красоте,
Ты — брат своего Прометея,
Который всегда в темноте.
Весна 1900, Севилья

РОДНАЯ КАРТИНА

Стаи птиц. Дороги лента.
Повалившийся плетень.
С отуманенного неба
Грустно смотрит тусклый день,

Ряд берез, и вид унылый
Придорожного столба.
Как под гнетом тяжелой скорби,
Покачнулася изба.

Полусвет и полусумрак,-
И невольно рвешься вдаль,
И невольно давит душу
Бесконечная печаль.

РУСАЛКА

Если можешь, пойми. Если хочешь, возьми.
Ты один мне понравился между людьми.
До тебя я была холодна и бледна.
Я — с глубокого, тихого, темного дна.

Нет, помедли. Сейчас загорится для нас
Молодая луна. Вот — ты видишь? Зажглась!
Дышит мрак голубой. Ну, целуй же! Ты мой?
Здесь. И здесь. Так. И здесь... Ах, как сладко
с тобой!

СИГУРД

Когда Сигурд отведал крови
Убитого Фафнира,
Весь Мир ему открылся внове,
Узнал он утро Мира.
Он увидал рожденье грома,
Проник в язык он птиц,
И все, что было так знакомо,
Оделось в блеск зарниц.

Певец, что был лицом прекрасен,
И был в словах разумен,
Узнал, как смысл явлений ясен,
Как хор их многошумен.
Он был избранником для пира,—
Прочь то, что нас гневит,
Он звал соперником Фафнира,
Соперник был убит.

Сигурд, Сигурд, ты был властитель,
Возлюбленный Судьбою,
Да будет славен победитель,
Ты взял добычу с бою.
Сигурд, Сигурд, ты звался Чудом,
Ты смело в Мире шел,

Ты видел Землю изумрудом,
И пел тебе орел.

«Возьми», он пел напевом властным,
«Запястья золотые,
В них день горит, с отливом красным,
В них звезды молодые.
Налей свой кубок, в блеске пира,
Забудь, что было встарь,
Тебе открыто утро Мира,
И ты в том Мире — Царь».

СКИФ

Мерю степь единой мерою,
Бегом быстрого коня.
Прах взмету, как тучу серую.
Где мой враг? Лови меня.

Степь - моя. И если встретится
Скифу житель чуждых стран,
Кровью грудь его отметится,
Пал - и строй себе курган.

У меня - броня старинная,
Мечь прямой и два копья,
Тетива на луке длинная,
Стрел довольно. Степь - моя.

Лик коня, прикрытый бляхами,
Блеском грифов, птиц и змей,
Ослепит огнем и страхами
Всех врагов меты моей.

А мета моя - высокая
Византийская княжна,
Черноокая, далекая,
Будет мне мечом дана.

Полетим как два мы сокола.
Звон бубенчиков, трезвонь.
Кто вдали там? Кто здесь около?
Прочь с пути! Огонь не тронь.

СМЕРТЬ

Сонет

Суровый призрак, демон, дух всеильный,
Владыка всех пространств и всех времен,
Нет дня; чтоб жатвы ты не снял обильной,
Нет битвы, где бы ты не брал знамен.

Ты шлешь очам бессонным сон могильный,
Несчастному, кто к пыткам присужден,
Как вольный ветер, шепчешь в келье пыльной
И свет даришь тому, кто тьмой стеснен.

Ты всем несешь свой дар успокоенья,
И даже тем, кто суетной душой
Исполнен дерзновенного сомненья.

К тебе, о царь, владыка, дух забвенья,
Из бездны зол несется возглас мой:
Приди. Я жду. Я жажду примиренья!
1894

СНЫ (ЗАКРЫВ ГЛАЗА...)

Закрыв глаза, я вижу сон,
Там все не так, там все другое,
Иным исполнен небосклон,
Иное, глубже дно морское.

Я прохожу по тем местам,
Где никогда я не бываю,
Но сонно помню — был уж там,
Иду по туче прямо к краю.

Рожденье молний вижу я,
Преображенье молний в звуки,
И вновь любимая моя
Ко мне протягивает руки.

Я понимаю, почему
В ее глазах такая мука,
Мне видно, только одному,
Что значит самый вскрик — разлука.

В желанном платье, что на ней,
В одной, едва заметной, складке
Вся тайна мира, сказка дней,
Невыразимые загадки.

Я в ярком свете подхожу,
Сейчас исчезнет вся забота.
Но бесконечную межу
Передо мной раскинул кто-то.

Желанной нет. Безбрежность нив.
Лишь василек один, мерцая,
Поет чрез золотой разлив
Там, где была моя родная.
31 декабря 1922

СОЗНАНИЕ

Я не могу понять, как можно ненавидеть
Остывшего к тебе, обидчика, врага.
Я радости не знал — сознательно обидеть,
Свобода ясности мне вечно дорога.

Я всех люблю равно любовью равнодушной,
Я весь душой с другим, когда он тут, со мной,
Но чуть он отойдет, как, светлый и воздушный,
Забвеньем я дышу — своею тишиной.

Когда тебя твой рок случайно сделал гневным,
О, смейся надо мной, приди, ударь меня:
Ты для моей души не станешь ежедневным,
Не сможешь затемнить — мне вспыхнувшего — дня.

Я всех люблю равно любовью безучастной,
Как слушают волну, как любят облака.
Но есть и для меня источник боли страстной,
Есть ненавистная и жгучая тоска.

Когда любя люблю, когда любовью болен,
И тот — другой — как вещь, берет всю жизнь мою,
Я ненависть в душе тогда сдержать не волен,
И хоть в душе своей, но я его убью.

СОПЕРНИКИ

Мы можем идти по широким равнинам,
Идти, не встречаясь в пути никогда.
И каждый пребудет, один, властелином,—
Пока не взойдет роковая звезда.

Мы можем бросать беспокойные тени,
Их месяц вытягивать будет в длину.
В одном восхождении мы будем ступени,
И равны,— пока не полюбим одну.

Тогда мы солжем, но себе не поможем,
Тогда мы забудем о Боге своем.
Мы можем, мы можем, мы многое можем.
Но только — мой равный!— пока мы вдвоем.

СТАРАЯ ПЕСЕНКА

- Mamma, mamma! perch'e lo dicesti?

- Figlia, figlia! perch'e lo facesti? *

Из неумирающих разговоров

Жили в мире дочь и мать.
"Где бы денег нам достать?"
Говорила это дочь.
А сама - темней, чем ночь.

"Будь теперь я молода,
Не спросила б я тогда.
Я б сумела их достать..."
Говорила это - мать.

Так промолвила со зла.
На минуту отошла.
Но на целый вечер прочь,
Прочь ушла куда-то дочь.

"Дочка, дочка, - боже мой! -
Что ты делаешь со мной?"
Испугалась, плачет мать.
Долго будет дочку ждать.

Много времени прошло.
Быстро ходит в мире Зло.
Мать обмолвилась со зла.
Дочь ей денег принесла.

Помертвела, смотрит мать.
"Хочешь деньги сосчитать?"
- "Дочка, дочка, - боже мой! -
Что ты сделала с собой?"

"Ты сказала - я пошла".
- "Я обмолвилась со зла".
- "Ты обмолвилась, - а я
Оступилась, мать моя".

*

- Мама, мама! Зачем ты это сказала?
- Дочка, дочка! Зачем ты это сделала? (итал.). - Ред.
До 1903

* * *

Тебя я хочу, мое счастье,
Моя неземная краса!
Ты - солнце во мраке ненастья,
Ты - жгучему сердцу роса!

Любовью к тебе окрыленный,
Я брошусь на битву с судьбой.
Как колос, грозой опаленный,
Склонюсь я во прах пред тобой.

За сладкий восторг упоенья
Я жизнью своей заплачу!
Хотя бы ценой преступленья -
Тебя я хочу!
28 ноября 1894

ТЕРЦИНЫ

Когда художник пережил мечту,
В его душе слагаются картины,
И за чертой он создает черту.

Исчерпав жизнь свою до половины,
Поэт, скорбя о том, чего уж нет,
Невольно пишет стройные терцины.

В них чувствуешь непогасимый свет
Страстей перекипевших и отживших,
В них слышен ровный шаг прошедших лет.

Виденья дней, как будто бы не бывших,
Встают, как сказка, в зеркале мечты,
И слышен гул приливов отступивших.

А в небесах, в провалах пустоты,
Светло горят закатным блеском тучи —
Светлее, чем осенние листья.

Сознанием смерти глянувшей могучи,
Звучат напевы пышных панихид,
Величественны, скорбны и певучи.

Все образы, что память нам хранит,
В одежде холодеющих весталок
Идут, идут, спокойные на вид.

Но, боже мой, как тот безумно-жалок,
Кто не узнает прежний аромат
В забытой сказке выцветших фиалок.

Последний стон. Дороги нет назад.
Кругом, везде, густеют властно тени.
Но тучи торжествующе горят.

Горят огнем переддремотной лени
И, завладев всем царством высоты,
Роняют свет на дольные ступени.

Я вас люблю, предсмертные цветы!
<1900>

\

ТОЛЬКО

Ни радости цветистого Каира,
Где по ночам напевен муэzzин,
Ни Ява, где живет среди руин,
В Боро-Будур, Светильник Белый мира,

Ни Бенарес, где грозового пира
Желает Индра, мча огнистый клин
Средь тучевых лазоревых долин,—
Ни все места, где пела счастью лира,—

Ни Рим, где слава дней еще жива,
Ни имена, чей самый звук — услада,
Тень Мекки, и Дамаска, и Багдада,—

Мне не поют заветные слова,—
И мне в Париже ничего не надо,
Одно лишь слово нужно мне: Москва.
15 октября 1922

ТРУДНО ФЕЕ

«Фея»,— шепнули сирени,
«Фея»,— призыв был стрижа,
«Фея»,— шепнули сквозь тени
Ландыши, очи смежа.

«Фея»,— сквозя изумрудно,
Травки промолвила нить.
Фея вздохнула: «Как трудно!
Всех-то должна я любить».
Осень 1905

У ФЬОРДА

Хмуро северное небо,
Скорбны плачущие тучи,
С темных скал на воды фьорда
Мрачно смотрит лес могучий.
Безотрадно здесь мерцанье
Безглагольной глубины,
Неприветны вздохи ветра

Между ветками сосны.
Прочь душа отсюда рвется,
Жаждет воли и простора,
Жаждет луга, трав душистых,
Их зеленого убора.

И встревоженной мечтою
Слышишь в ропоте волны
Колокольчик русской тройки
В царстве степи и луны.
1894

УЗНИК

В соседнем доме
Такой же узник,
Как я, утративший
Родимый край,
Крылатый в клетке,
Сердитый, громкий,
Весь изумрудный,
Попугай.

Он был далеко,
В просторном царстве
Лесов тропических,
Среди лиан,
Любил, качался,
Летал, резвился,
Зеленый житель
Зеленых стран.

Он был уловлен,
Свершил дорогу —
От мест сияющих
К чужой стране.
В Париже дымном
Свой клюв острит он
В железной клетке
На окне.

И о себе ли,
И обо мне ли
Он в размышлении,—
Зеленый знак.

Но только резко
От дома к дому
Доходит возглас:
«Дурак! Дурак!»
9 октября 1922

* * *

Уходит светлый май. Мой небосклон темнеет.
Пять быстрых лет пройдет, - мне минет
тридцать лет.

Замолкнут соловьи, и холодом повеет,
И ясных вешних дней навек угаснет свет.

И в свой черед придут дни, полные скитаний,
Дни, полные тоски, сомнений и борьбы,
Когда заночует грудь под тяжестью страданий,
Когда познаю гнет властительной судьбы.

И что мне жизнь сулит? К какой отраде манит?
Быть может, даст любовь и счастье? О нет!
Она во всем солжет, она во всем обманет,
И поведет меня путем тернистых бед.

И тем путем идя, быть может, падать стану,
Утрачу всех друзей, моей душе родных,
И, - что всего страшней, - быть может, перестану
Я верить в честь свою и в правду слов своих.

Пусть так. Но я пойду вперед без колебанья -
И в знойный день, и в ночь, и в холод, и в грозу:
Хочу я усладить хоть чье-нибудь страданье,
Хочу я отереть хотя одну слезу!
1894

ФАНТАЗИЯ

Как живые изваянья, в искрах лунного сиянья,
Чуть трепещут очертанья сосен, елей и берез;
Вещий лес спокойно дремлет, яркий блеск луны приемлет
И роптанью ветра внемлет, весь исполнен тайных грез.
Слыша тихий стон метели, шепчут сосны, шепчут ели,
В мягкой бархатной постели им отрадно почивать,

Ни о чем не вспоминая, ничего не проклиная,
Ветви стройные склоняя, звукам полночи внимать.

Чьи-то вздохи, чье-то пенье, чье-то скорбное моление,
И тоска, и упоенье, - точно искрится звезда,
Точно светлый дождь струится, - и деревьям что-то мнится
То, что людям не приснится, никому и никогда.
Это мчатся духи ночи, это искрятся их очи,
В час глубокой полуночи мчатся духи через лес.
Что их мучит, что тревожит? Что, как червь, их тайно гложет?
Отчего их рой не может петь отраднй гимн небес?

Всё сильней звучит их пенье, всё слышнее в нем томленье,
Неустанного стремленье неизменная печаль, -
Точно их томит тревога, жажда веры, жажда бога,
Точно мук у них так много, точно им чего-то жаль.
А луна всё льет сиянье, и без муки, без страданья
Чуть трепещут очертанья вещих сказочных стволов;
Все они так сладко дремлют, безучастно стонам внемлют
И с спокойствием приемлют чары ясных, светлых снов.
<1893>

ФАТА МОРГАНА

Фата Моргана,
Замки, узоры, цветы и цвета,
Сказка, где каждая краска, черта
С каждой секундой — не та,
Фата Моргана
Явственно светит лишь тем, кто, внимательный, рано,
Утром, едва только солнце взоидет,
Глянет с высокого камня, на море,
К солнцу спиной над безгранностью вод,
С блеском во взоре,
К солнцу спиной,
Правда ль тут будет, неправда ль обмана,
Только роскошной цветной пеленой
Быстро возникнет пред ним над волной
Фата Моргана.

ФЕЙНЫЕ СКАЗКИ: ПОСВЯЩЕНИЕ

Солнечной Нинике, с светлыми глазками —
Этот букетик из тонких былинки.
Ты позабавишься Фейными сказками,
После — блеснешь мне зелеными глазками,—
В них не хочу я росинок.
Вечер далек, и до вечера встретится
Много нам: гномы, и страхи, и змеи.
Чур, не пугаться, — а если засветятся
Слезки, пожалуйюсь Фее.
7 сентября 1905, Sillamaggi, Estl.

ФЕЯ

Говорили мне, что Фея,
Если даже и богата,
Если ей дарит лилея
Много снов и аромата,—
Все ж, чтоб в замке приютиться,
Нужен ей один листок,
Им же может нарядиться
 С головы до ног.
Да, иначе быть не может,
Потому что все в ней нежно,
Ей сама луна поможет,
Ткань паук сплетет прилежно.
Так как в мире я не знаю
Ничего нежнее фей,
Ныне Фею выбираю
 Музою моей.
Осень 1905

ФЕЯ ЗА ДЕЛОМ

К Фее в замок собрались
 Мошки и букашки.
Перед этим напились
 Капелек с ромашки.

И давай жужжать, галдеть
 В зале паутиной,
Точно выискали клеть,

А не замок чинный.

Стали жаловаться все
С самого начала,
Что ромашка им в росе
Яду подмешала.

А потом на комара
Жаловалась муха:
Говорит, мол, я стара,
Плакалась старуха.

Фея слушала их вздор
И сказала: «Верьте,
Мне ваш гам и этот сор
Надоел до смерти».

И велела пауку,—
Встав с воздушных кресел,—
Чтобы тотчас на суку
Сети он развесил.

И немедля стал паук
Вешать паутинки.
А она пошла на луг
Проверять росинки.

ФРА АНДЖЕЛИКО

Если б эта детская душа
Нашим грешным миром овладела,
Мы совсем утратили бы тело,
Мы бы, точно тени, чуть дыша,
Встали у небесного предела.

Там, вверху, сидел бы добрый бог,
Здесь, внизу, послушными рядами,
Призраки с пресветлыми чертами
Пели бы воздушную, как вздох,
Песню бестелесными устами.

Вечно примиренные с судьбой,
Чуждые навек заботам хмурным,

Были бы мы озером лазурным
В бездне безмятежно-голубой,
В царстве золотистом и безбурном.
Весна 1900, Севилья

ЧАЙКА

Чайка, серая чайка с печальными криками носится
Над холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачем? Почему ее жалобы
Так полны безграничной тоской?

Бесконечная даль. Неприветное небо нахмурилось.
Закурчавилась пена седая на гребне волны.
Плачет северный ветер, и чайка рыдает, безумная,
Бесприютная чайка из дальней страны.
1894

ЧАСЫ

1

Мне говорила мать моя,
Что в том едином первочасье
Не закричал, родившись, я,
А был в таинственном безгласье.

Мой первый час — не первый крик,
А первый долгий миг молчанья,
Как будто слушал я родник,
Напев нездешнего звучанья.

И мать сказала: «Он умрет».
Она заплакала неволью.
Но жив, живет певучим тот,
Кто тайну слушал безглагольно.

2

В саду многоцветном, в смиренной деревне,
Я рос без особых затей.
Не видел я снов о волшебной царевне,
И чужд был я играм детей.

Я помню, любил я под солнцем палящим
Один приютиться в саду.
Один по лесным пробирался я чащам,
Один я смотрел на звезду.
За ласточкой быстрой, воробушком, славкой
Следил я, прищутив глаза.
Был каждой утешен зеленою травкой,
И близкой была стрекоза.
И счастье большое — смотреть у забора,
Как ящериц серых семья
Купается в солнце, не видя дозора,
Любил и не трогал их я.
И радость большая — увидеть, как утки
Ныряют в пруду пред грозой.
Услышать, что вот в грозовом первопутке
Громовый разносится вой.
Под первые брызги дождя золотого
Подставить так жадно лицо.
Искать под березой неверного крова,
Хоть вон оно, близко крыльцо.
Часы голубые в лазоревой шири
Скопили минуты гурьбой.
Им молнии — стрелки, и тучи им — гири,
И гром был им — радостный бой.

3

Лежать в траве, когда цветет гвоздика
И липкая качается дрема.
Смотреть, как в небе сумрачно и дико
Растут из шаткой дымки терема.

Узнать, что в юном сердце есть хотенье,
Истома, быстрой крови бьется жгут.
Она. Она. С ней праздник, полный рденья,
Безумный танец бешеных минут.

Жестокость золотого циферблата.
О солнце! Заходи. Придет она.
Весь разум взят, все сердце жаждой взято.
Секунды бьются в пропасти без дна.

Они поют, и в каждой — боль пронзенья.
Хочу. Люблю. Где солнце? Ночь уж тут.
Луна горит. В ней правда вознесенья.

Я сжат кольцом томительных минут.

Он острый, край серебряного круга.
И мгла кругом. В цвету небесный куст.
Я царь всего от севера до юга.
Огонь в огонь. Уста до алых уст.

4

Тик-так. Тик-так. Часов карманных
Проверен лепет близ постели.
Красива сказка снов желанных,
Красив и вой слепой метели.

Не так, не так правдивы струи,
И все цветные ткани жизни,
И все немые поцелуи,
Как всплеск рыдания на тризне.

Тик-так. Тик-так. Храни ребенка,
Который в сердце помнит детство.
Но хаос жив и кличет звонко,
Что вечно темное наследство.

Не так, не так тебя ласкало
Твое мечтанье и желанье,
Как жалит, в полночь жизни, жало.
Тик-так. Тик-так. Люби изгнанье.

5

Полночь бьет. Один я в целом мире.
Некому тоску мою жалеть.
Все грозней, протяжнее и шире
Бой часов, решающая медь.

Безвозвратно кончен день вчерашний.
Воплотился в яви жуткий сон.
С вечевой высокой грозной башни
Бьет набат, в пожаре небосклон.

Полночь ли, набат ли, я не знаю.
Прозвучал двенадцатый удар.
Бьют часы. И я к родному краю
Рвусь, но не порвать враждебных чар.

Кровь моя — секунда в этом бое.
Кровь моя, пролейся в свет зари.
Мать моя, открой лицо родное.
Мать моя, молю, заговори.
29 декабря 1922

ЧЕЛН ТОМЛЕНЬЯ

Князю А.И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.

Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог,
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воет в бездне вод.
1894

ЧТО МНЕ НРАВИТСЯ

Что мне больше нравится в безднах мировых,
И кого отметил я между всех живых?

Альбатроса, коршуна, тигра, и коня,
Жаворонка, бабочку, и цветы огня.

Альбатрос мне нравится тем, что он крылат,
Тем, что он врывается в грозовой раскат.

В коршуне мне нравится то, что он могуч,

И, как камень, падает из высоких туч.

В тигре то, что с яростью мягкость сочетал,
И не знал раскаянья, Бога не видал.

И в других желанно мне то, что — их вполне,
Нравятся отдельностью все созданья мне.

Жаворонок — пением, быстротою — конь,
Бабочка — воздушностью, красотой — огонь.

Да, огонь красивее всех иных живых,
В искрах — ликование духов мировых.

И крылат, и властен он, в быстроте могуч,
И поет дождями он из громовых туч.

По земле он ластится, жаждет высоты,
В красные слагается страстные цветы.

Да, огонь красивее между всех живых,
В искрах ликование духов мировых.

В пламени ликующем — самый яркий цвет.
В жизни — смерть, и в смерти — жизнь.
 Всем живым — привет!

* * *

Я - изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты - предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я - внезапный излом,
Я - играющий гром,
Я - прозрачный ручей,
Я - для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переклички лесные зеленого мая -
Все пойму, все возьму, у других отнимая.

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я - изысканный стих.
1901

* * *

Я больше ее не люблю,
А сердце умрет без любви.
Я больше ее не люблю, -
И жизнь мою смертью зови.

Я - буря, я - пропасть, я - ночь,
Кого обнимаю - гублю.
О, счастье вольности!.. Прочь!
Я больше тебя не люблю!
До 1903

Я БУДУ ЖДАТЬ

Я буду ждать тебя мучительно,
Я буду ждать тебя года,
Ты манишь сладко-исключительно,
Ты обещаешь навсегда.

Ты вся - безмолвие несчастья,
Случайный свет во мгле земной,
Неизъясненность сладострастия,
Еще не познанного мной.

Своей усмешкой вечно-кроткою,
Лицом, всегда склоненным ниц,
Своей неровною походкою
Крылатых, но не ходких птиц,

Ты будишь чувства тайно-спящие,
И знаю, не затмит слеза
Твои куда-то прочь глядящие,
Твои неверные глаза.

Не знаю, хочешь ли ты радости,

Уста к устам, прильнуть ко мне,
Но я не знаю высшей сладости,
Как быть с тобой наедине.

Не знаю, смерть ли ты нежданная
Иль нерожденная звезда,
Но буду ждать тебя, желанная,
Я буду ждать тебя всегда.

* * *

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре.
Я властелин.

Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.
Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любим за то.
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предсмертный час!

* * *

Я вольный ветер, я вечно вею,
Волную волны, ласкаю ивы,
В ветвях вздыхаю, вздохнув, немею,

Лелею травы, лелею нивы.

Весною светлой, как вестник мая,
Целую ландыш, в мечту влюбленный,
И внемлет ветру лазурь немая,
Я вею, млею, воздушный, сонный.

В любви неверный, расту циклоном,
Взметаю тучи, взрываю море,
Промчусь в равнинах протяжным стоном -
И гром проснется в немом просторе.

Но, снова легкий, всегда счастливый,
Нежней, чем фея ласкает фею,
Я льну к деревьям, дышу над нивой
И, вечно вольный, забвеньем вею.
1897

* * *

Я заснул на распутьи глухом.
В высоте, на небесные кручи,
Поднимались тяжелые тучи.
Это было не ночью, а днем.

Я лежал на избитом пути,
На краю много знавшей дороги.
Здесь и люди и звери и боги
Проходили, чтоб что-то найти.

Я дремал как живой, но мертвец,
Как умерший, но чающий жизни.
И, отдавшись душой укоризне,
Задремал я как труп наконец.

И тогда мне явилась она,
Та, кого я и прежде, неясно,
Так любил, безнадежно, безгласно,
Как любить нам велела — Луна.

Надо мною бесплотная тень,
Наклоня воздушное тело,
Ближе быть, дальше быть, не хотела.
И погас утомительный день.

Все смешалось в сомкнувшейся мгле.
Я мечтал — да, как все — о святыне.
И как труп я покоюсь донине
На избитой шагами земле.

* * *

Я ласкал ее долго, ласкал до утра,
Целовал ее губы и плечи.
И она наконец прошептала: «Пора!
Мой желанный, прощай же — до встречи».

И часы пронеслись. Я стоял у волны.
В ней качалась русалка нагая.
Но не бледная дева вчерашней луны,
Но не та, но не та, а другая.

И ее оттолкнув, я упал на песок,
А русалка, со смехом во взоре,
Вдруг запела: «Простор полноводный глубок.
Много дев, много раковин в море.

Тот, кто слышал напев первозданной волны,
Вечно полон мечтаний безбрежных.
Мы — с глубокого дна, и у той глубины
Много дев, много раковин нежных».

* * *

Я люблю далекий след - от весла,
Мне отрадно подойти - вплоть до зла,
И его не совершив - посмотреть,
Как костер, вдали за мной - будет тлеть.

Если я в мечте поджег - города,
Пламя зарева со мной - навсегда.
О мой брат! Поэт и царь - сжегший Рим!
Мы сжигаем, как и ты, - и горим!

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Я люблю тебя больше, чем Море, и Небо, и Пение,
Я люблю тебя дольше, чем дней мне дано на земле.
Ты одна мне горишь, как звезда в тишине отдаления,
Ты корабль, что не тонет ни в снах, ни в волнах,
ни во мгле.

Я тебя полюбил неожиданно, сразу, нечаянно,
Я тебя увидал - как слепой вдруг расширит глаза
И, прозрев, поразится, что в мире изваянность спаяна,
Что избыточно вниз, в изумруд, излилась бирюза.
Помню. Книгу раскрыв, ты чуть-чуть шелестела страницами.
Я спросил: "Хорошо, что в душе преломляется лед?"
Ты блеснула ко мне, миг узревшими дали, зеницами.
И люблю - и любовь - о любви - для любимой - поет.
<1932>

* * *

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

И внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

1894

Я НЕ ЗНАЮ МУДРОСТИ

Я не знаю мудрости годной для других,
Только мимолетности я влагаю в стих.
В каждой мимолетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову!
<1902>

Я НЕ ИЗ ТЕХ

Я не из тех, чье имя легион,
Я не из царства духов безымянных.
Пройдя пути среди равнин туманных,
Я увидел безбрежный небосклон.

В моих зрачках - лишь мне понятный сон,
В них мир видений зыбких и обманных,
Таких же без конца непостоянных,
Как дымка, что скрывает горный склон.

Ты думаешь, что в тающих покровах
Застыл едва один-другой утес?
Гляди: покров раскрыт дыханьем гроз.

И в цепи гор, для глаза вечно-новых,
Как глетчер, я снега туда вознес,
Откуда виден мир в своих основах!
<1899>

* * *

Я с ужасом теперь читаю сказки -
Не те, что все мы знаем с детских лет.
О, нет: живую боль - в ее огласке
Через страшный шорох утренних газет.

Мерещится, что вышла в круге снова
Вся нежить тех столетий темноты:

Кровь льется из Бориса Годунова,
У схваченных ломаются хребты.

Рвут крючьями язык, глаза и руки.
В разорванный живот втыкают шест,
По воздуху в ночах крадутся звуки -
Смех вора, вопль захватанных невест.

Средь бела дня - на улицах виденья,
Бормочут что-то, шепчут в пустоту,
Расстрелы тел, душ темных искривленья,
Сам дьявол на охоте. Чу! - "Ату!

Ату его! Руби его! Скорее!
Стреляй в него! Хлещи! По шее! Бей!"
Я падаю. Я стыну, цепенея.
И я их брат? И быть среди людей!

Постой. Где я? Избушка. Чьи-то ноги.
Кость человечесья. Это - для Яги?
И кровь. Идут дороги всё, дороги.
А! Вот она. Кто слышит? Помогите!
<Декабрь 1905>